

Протоиерей
Антоний
Владимиров

Просвети
одеание
души моей,
Светодавче...

Протоиерей
Аотемий
Владимиров

Просвети одеанне души моеа, Светодавче...

Москва
Издательство Православного Братства
Святителя Филарета Московского
2001

ББК 86.37
В57

Православное Братство
Святителя Филарета Московского
осуществляет издательскую деятельность
по благословению Святейшего Патриарха
Московского и всея Руси
АЛЕКСИЯ II

© Протоиерей Артемий Владимиров, 2001
© Гвоздик А. Р., 2001
© Издательство Православного Братства
Святителя Филарета Московского, 2001

«Пюхтица, Пюхтица...»

Пюхтица... Для многих православных людей это слово связано с самыми теплыми воспоминаниями о паломничестве в русскую православную обитель, находящуюся ныне в Эстонском государстве.

Пюхтица... Нет, пожалуй, среди действующих женских монастырей более уютного, красивого уголка, где так отдыхали бы и душа, и сердце, и ум.

Лишь войдем в гостеприимные врата обители и переступим порог величественного храма – какой чистотой повеет от голосов сестер и послушниц. Слушая их задушевное пение, невольно и сам очищаешься от навязчивых житейских помыслов, и душа, словно птица, освободившаяся от силков, хочет взмыть в небеса. И кто бы ни приехал сегодня в Пюхтицу: чистое дитя, не успевшее загрязнить душу греховными впечатлениями мира, выдавший виды пожилой человек, имеющий желание отдохнуть душой, измученной в борьбе за существование, юный студент, делаю-

щий еще первые шаги на дороге веры, – всякий по приезде сюда погружается в атмосферу любви, молитвы и трудов, атмосферу целительную, столь необходимую для современного человека.

В чем же тайна Пюхтицкого монастыря? Конечно же в незримом покрове над ним Пречистой Преблагословенной Девы Марии, о Которой говорит здесь все: каждый камень, каждый храм, каждая роза, благоухающая в течение всего лета в утешение насельникам и паломникам.

Историю Пюхтицы обыкновенно связывают с чудесным явлением иконы Успения Божией Матери. Несколько столетий тому назад ее приметили по странному сиянию, льющемуся с крон дуба, пастухи-протестанты, не знающие и не умеющие воздавать должное поклонение святым иконам. Оказавшись позднее в благочестивых руках, икона стала предметом почитания православных верующих, проживавших в этом крае. И по сей день паломники с благоговением приближаются к многолетнему дубу, напоминающему чем-то Мамврийский. Здесь впервые просияла благодать Пресвятой Богородицы. Рядом выстроена была часовня, а затем и храм, куда приходили сельчане и ставили свечи пред иконой Божией Матери.

Пюхтица – «святая гора» – издревле привлекала внимание всякого, для кого священно имя

Преблагословенной Девы Марии. Но сама обитель основана была лишь в конце XIX столетия, века расцвета русской культуры.

С Пюхтицей теснейшим образом связаны имя и деятельность всемирно известного, прославленного на закате XX столетия святого праведного отца Иоанна Кронштадтского. Любя этот уголок, святой Иоанн Кронштадтский много молился Пресвятой Богородице, дабы особая благодать воссияла на Пюхтицкой горе и просветила души людей, живущих в этом крае. Однажды, гуляя вместе с матушкой игуменией в окрестностях монастыря, отец Иоанн остановился и, окинув вещим взором холм, возвышающийся пред ними, сказал:

— Матушка, посмотри, какой величественный и дивный собор, коль славно имя Божие на месте сем!

— Да где же, батюшка, собор, когда мы, сестры, молимся в утлой церквушке!

— Да говорю тебе, вот он стоит и высится, как святиорусский богатырь-исполин.

Очевидно, Бог в тот час даровал откровение Своему угоднику. И действительно, с его легкой святой руки началось строительство собора, который и поныне является жемчужиной русской православной архитектуры. Выстроенный из

желтовато-розового кирпича, украшенный зелеными куполами, собор никогда не бывает один и тот же. Утром лучи солнца золотят его стены, и он кажется сотканным из воздуха, а в сумерках лиловые, синие, черные ночные тени делают его величественным, почти что сказочным замком. Собор открыт в течение целого дня, дабы всякий входящий мог окунуться в благодатную атмосферу тихой православной обители. Все внутри собора сверкает чистотою и белизной. Нежные дымчатые фрески повествуют о главных событиях из жизни Пресвятой Богородицы, от Рождества до преславного Успения. Неторопливое, задушевное монашеское пение возносит мысли и чувства сердечные молящегося народа к Небесам.

Здесь, в Пюхтице, можно раскрыть душу, уязвленную грехами, и в чистосердечной исповеди обрести исцеление страждущего сердца.

Здесь, в Пюхтице, можно побродить по аллеям, среди деревьев, посаженных благочестивой княгиней Елизаветой, супругой великого князя Сергия – губернатора этого края. Благодаря самоотверженному труду высокопоставленной четы Пюхтица стала прекрасным благоустроенным монастырем. На так называемой горке выстроен храм во имя Преподобного Сергия Радонежского. За хра-

мом, у алтарной апсиды, и погребены вместе те, кто были неразлучны при земной жизни.

Отец Иоанн Кронштадтский предсказывал, что Пюхтицкий монастырь устоит и достоин до Второго Пришествия Господа нашего Иисуса Христа. Промыслом Божиим обители суждено было пережить революцию и разгул безбожия без значительных потрясений. Если сегодня большинство монастырей в России возрождается из руин, то у Пюхтицы была судьба иная. Царица Небесная не допустила осквернения Своего святого уголка. Собор, посвященный имени Пречистой Девы Марии, является красноречивым свидетельством благодатного охранения Ею святой обители.

Пожилые насельницы обители с душевным трепетом вспоминают годы Второй мировой войны. Сначала монастырь заняли немцы. Неподалеку от обители они в неимоверно тяжелых, суровых условиях держали русских военнопленных, обреченных на голодное вымирание. Сестры, рискуя своей жизнью, приносили русским солдатам овощи с окрестных полей, так что много душ выжило благодаря их самоотверженной любви. Но *à la guerre comme à la guerre* (на войне как на войне), посему советским командованием было принято страшное решение – разрушить собор, выстроенный иждивением

праведного Иоанна Кронштадтского, служивший своеобразным маяком для немецких войск. Со смертоносным грузом бомбардировщики вылетели на выполнение боевого задания. Впоследствии один из местных крестьян-лютеран рассказывал, что он неоднократно видел бомбы, летящие с небес. Повинуясь неведомой силе, они отклонялись от намеченной траектории и падали в версте-другой от собора, поднимая в воздух тонны земли. Собор, казалось, был недостижим для оптических прицелов бомбардировщиков.

Много лет спустя Пюхтицу посетил пожилой человек, как оказалось, летчик, участник одной из тех боевых операций. Войдя в собор, он вдруг пристально стал рассматривать икону, на которой изображена в полный рост, в голубом одеянии Пречистая Дева*. Пав перед этой иконой на колени, старик заплакал. Впоследствии он поведал с потрясающей душой откровенностью, что потому и не мог приблизиться на самолете к монастырю, что неоднократно видел в воздухе грозный лик Прекрасной Жены в голубом

* Икона эта, написанная пюхтицкой монахиней, была подарена отцу Иоанну Кронштадтскому. После его праведной кончины она, бережно хранимая и передаваемая из рук в руки, наконец, возвратилась в свой северный удел.

одеянии, узнанный им, едва лишь только он увидел Пюхтицкую икону.

Как и сто лет тому назад, сегодня Пюхтица – это монастырь, в котором сестры проходят не легкий искус, школу трудов земных. Сколько страстей кроется в юных, еще не очищенных благодатью сердцах: гордость и самолюбие, уныние и печаль, раздражительность и гневливость. Труд и молитва – вот те два благодатных крыла, мерно взмахивая которыми, души сестер мало-помалу поднимаются от земли к Небу. Нелегко, нелегко современным молодым людям, приходящим в монастырь после городской жизни, войти в русло, трудовой ритм тихой обители. Однако обилие молодых послушниц в островерхих головных уборах, принятых в Пюхтицкой обители, говорят о том, что и поныне не оскудела благодать на месте сем, во многом благодаря молитвам опытной игумении – матушки Варвары, трудами и потами которой возведены прекрасные каменные стены вокруг монастыря, а сам он благоустроен, так что паломники могут наслаждаться тихой, беспопечительной жизнью. Пюхтица сегодня по праву занимает ведущее место среди русских монастырей.

Приглашаем всякого человека посетить эту обитель, дабы внести свою скромную лепту мо-

литв и трудов во славу Пречистой Девы Марии, обещавшей этому монастырю стояние в вере, надежде и любви до скончания века.

Да приимет Царица Небесная малый труд сей как благоговейное приношение во славу Ее имени!

**Слова,
произнесенные в Успенском соборе
Пюхтицкого женского монастыря**

О священнодействии ума в сердце человеческом

В о имя Отца и Сына и Святого Духа. Аминь. Сегодня мы празднуем память святителя Филиппа, митрополита Московского, одного из собирателей Святой Руси, мужа духовного, просвещенного благодатью Духа Божия. Вы знаете, что он стал первенствующим Московским святителем в очень тяжелое время: был призван на кафедру в царствование Иоанна Грозного и святительствовал без страха и упрека, не боясь говорить правду Божию Помазаннику, не боясь и того окружения, которое в видах лести и лукавства искажало пред царем правду. Святитель стал жертвою клеветы и затем пал от рук наемных убийц. До вступления на московский престол он много времени провел простым иноком на Соловецком острове, подвизаясь и в общежительном монастыре, и в уединении. Бывавшие на Соловках знают, что с именем будущего митрополита Московского связано процветание этой обители. Стяжав непрестанную молитву Иисусову, очистившись от страстей, свя-

титель Филипп привлек на свою душу благодатные дары Духа Святого, один из которых был даром управления, даром созидания, так что обитель при нем обрела вид неприступной крепости. Он устроил ее хозяйство таким образом, что край этот процвел во всех отношениях – и в духовном, и в материальном: благодаря монастырю крестьяне окрестных волостей на материки благоденствовали, ибо под покровом обители они честно и благодатно трудились.

По плодам мы узнаем святого мужа: в уединении ли соловецком, в шумном ли граде Москве, в окружении не бесстрастных, но зараженных греховными болезнями людей, святитель Филипп оставался верен самому себе и, сохраняя безмолвие, всегда пребывал мирным духом, а если выказывал гнев, то праведный, который не казнит, но исправляет. И перед лицом смерти он остался непоколебимым, чуждым малодушия, страха. Разумно исполнив свое служение, увенчанный венцом мученичества, вошел он в небесные обители. О таких святителях возглашает Священное Писание: «Таков нам подобаша архиерей»¹⁾. О таких святителях на праздничной Утрени мы слышим евангельский голос Самого Господа: «Аз есмь пастырь добрый: пастырь добрый душу свою полагает за овцы»²⁾.

Слушая о подобных мужах древности, мы должны и к себе прилагать слова Писания, потому что каждый из нас призван быть архиереем, начальником над своей собственной природой, над своим собственным естеством. У каждого из нас есть своя епархия, за управление которой мы дадим отчет Домовладыке Господу. Ибо все мы почтены бессмертной душой, повредить которой страшно, погубить которую весьма легко, если не будет человек внимать сердцу своему, если не услышит зов Спасителя своего. У каждого из нас есть телесное естество, хотя и бренное, смертное, однако, представленное к вечной жизни, ибо на Страшном Суде мы и тело свое увидим воскрешенным, и вместе с душою оно примет Суд от Господа – будет почтено венцом или подвергнется вечному посрамлению. У каждого из нас есть душевные силы, научиться управлять которыми самое мудреное, но необходимое дело, ибо мы наделены разумом, способным воспринимать понятия, составлять суждения, почтены чувствами, которые образуют сердечную область. Имеется у нас и деятельная способность – воля, свободное произволение: сослагаясь с Законом Господним, с заповедями Божиими, мы обретаем пользу, а отступая от нравственного закона,

начертанного перстом Божиим в нашем естестве, испытываем тяготу, томление и связываемся узами греховными. Каждый из нас имеет словесных овец, которых должен пасти и влечь за собой, – это помыслы, мысли, живущие в душе, это слова, исходящие из наших уст, и, наконец, деяния, поступки. В совокупности своей наши мысли, чувства, слова, деяния образуют нрав, духовный портрет личности. И все это испытует недреманное око Господне, и за каждое даже малейшее движение сердца надлежит нам дать отчет перед Господом.

Из этого становится ясным, что дух человеческий и есть истинный архиерей над природой человеческой. Дух в нас есть та таинственная сила, которой почтена бессмертная человеческая душа, сила, взыскующая Бога. Это способность души, которая ищет единого на потребу – богопознания и богообщения. Деятельность духа в нас проявляется особенно тогда, когда мы молимся, составляя единый дух с Господом. С духом связана и способность различения добра и зла. Голос совести во многом относится к ведению духа. Наконец, когда мы исполняем благоговения, страха Божия, ощущения собственного греховного недостойнства – все это плод действия в нас Духа Господня.

Дух Божий поставлен архиереем над человеческой природой. Дух этот, как говорит Писание, должен входить к овцам дверью, а не перелезать инде³⁾, через место, Богом не определенное. «Аз есмь дверь», – свидетельствует о Себе Христос⁴⁾. Действительно, Спаситель наш есть та естественная дверь, которой мы входим в Небесное Царство. Таким образом, дух человеческий, если хочет быть подлинным управителем, архиереем, должен войти дверью к овцам, то есть управлять нашей природой. Свершается это тогда, когда мы сочетаем наш дух с мыслью о Боге Вседержителе Господе Иисусе Христе, особенно тогда, когда мы запечатлеваем в нашей памяти имя Иисуса Христа. И тот, кто старается при всяком удобном случае освящать свои мысли, слова, деяния именем Господа, говоря: *«Господи Иисусе Христе, Сыне Божий, помилуй мя, грешного»*, – тот исполняет евангельское слово: дух его входит к словесным овцам, то есть познает нашу природу и учится разумно управлять ею силою Божиею. О таком разумном человеке сказано, что придверник отверзает ему вход. По толкованию Святых Отцов, придверник – это Дух Божий, Которым мы запечатлены в таинстве Крещения. Молясь молитвой покаянной, смиренной и, по возможности,

непрестанной, призывая имя Господа нашего Иисуса Христа, мы привлекаем Божественную благодать на нашу душу и тело. Такой дух является истинным пастырем для всех сил души и для самого тела. В Евангелии сказано, что пастырь добрый идет пред своими овцами⁵⁾. Это значит, что все прочие потребности – телесные и душевные – остаются позади, а во главу угла восходит потребность богообщения. И чем более человек молится, чем тщательнее исполняет свое молитвенное правило, чем усерднее посещает богослужения, тем бóльшая разгорается в нем жажда богообщения, так что не может он насытиться молитвою, и сколько бы ни исполнял внешних правил, все чувствует себя начинающим, только приступающим к делу угождения Богу.

Пастырь добрый зовет своих овец по имени⁶⁾. Это значит, что истинное самопознание возможно для человека только в случае, если он молится и молится сердечно. Человек суесящий, немолитвенный, любопытствующий, очами блуждающий вокруг себя, не знает сил своей души. Не понимает он, в каком состоянии находится его воля: в расслабленном ли, болезненном ли или она начала укрепляться, ища исполнения Закона Божия. Не знает невнимательный и рассеянный человек своего сердца, не может

он дать определения состояниям, которые отягощают его, не различает он тщеславие и смирение, чистоты от нечистой похоти и часто порок принимает за добродетель. Такой человек представляется самому себе чистым, а на самом деле он одет в рубище порока, нечистоты, внутренней грязи. Только дух наш, сочетавшись с именем Господним, может стать пастырем, знающим по имени каждую из своих овец. Подобно Адаму, который некогда сумел наречь каждую из приведенных к нему тварей соответствующим именем, молящийся христианин получает ведение самого себя. И чем более он преуспевает в этом, тем более ему открываются его греховность, его ничтожество, его слабость, тем более он исповедует свое недостойнство пред Богом, а вместе открывается ему область Божественных совершенств. Христианин молящийся не унывает никогда, потому что верует в предстоящего ему Господа, Всемогущего, Вселюбящего, Всеправедного, способного и готового Свою помощь излить на нас, едва лишь мы о ней попросим.

Итак, надлежит нам, братья и сестры, непрестанно молиться и внимать своей душе, дабы нам быть архиереями собственной природы, дабы дарованная нам епархия – дух, душа и тело, слова, мысли и чувства – все было просвещено бла-

годатью Господней. Дух наш, возбуждаемый благодатью Божией, ходатайствует за нашу природу. Это бывает тогда, когда мы исполняем сокрушения, неверия в свои силы, когда исповедуем пред Богом множественность невидимых врагов – страстей, демонов, препятствующих нам угождать Богу, и просим Господа явить нам Свою любовь, милость, благодатную поддержку, явить силу, просвещающую нас, дабы твердо шествовать стезей спасения.

Вглядываясь в духовный портрет мужей, подобных святителю Филиппу, митрополиту Московскому, изучая их подвиги, узнавая о том, как они справлялись с труднейшей задачей управления Церковью, как все под их руками цвело, создавалось, а не разрушалось, мы должны усваивать сердцем их добродетели и вопрошать свою совесть: являемся ли мы разумными домоправителями, пасем ли своих овец, блюдем ли слова наши, замечаем ли поступки наши, отгоняем ли дурные мысли, или, будучи слепыми, ведем наше естество, само по себе слепое, в яму? Аминь.

16 июля 1998 г.,
в день памяти святителя Филиппа,
митрополита Московского

О вере, верности и простоте

В о имя Отца и Сына и Святого Духа. Аминь. Сегодня, братья и сестры, мы прославляем преподобного Афанасия Афонского, угодника Божиего, при котором гора Афон прославилась по всей Вселенной. Неподалеку от вершины Афонской горы, высота которой более двух километров, раскинулась Лавра св. Афанасия – главный общежительный монастырь Афона, процветший благодаря трудам и тщанию этого подвижника. Сюда часто удалялся преподобный Афанасий для уединенной молитвы, а затем спускался вниз, дабы опекать, наставлять и вразумлять многочисленную братию, численность которой достигла при нем многих сотен человек.

Но как ни велик угодник Божий, однако и он был человеком, и ничто человеческое не было ему чуждо. Настоятели и вообще управляющие братией подвергаются особенному искушению именно тогда, когда подчиненные им люди теряют смирение и кротость, теряют богоугодное

послушание, начинают роптать, возмущаться, пересуживать действия и слова священноначалия, подвергая незаслуженной критике их авторитет, Самим Богом установленный. Мы помним, что и Моисей-пророк, кротчайший из всех живущих на земле, мучился душой, когда видел непокорство народа израильского. Так случилось и во времена преподобного Афанасия Афонского. Строгий устав его Лавры сам по себе был достаточно тяжел для братии. А тут разразилась засуха, солнце палило немилосердно, в монастыре иссяк запас воды, истощилась пища, и братия, несмотря на увещевания настоятеля, с ропотом и недовольством стала расходиться. Один за другим монахи покидали обитель преподобного Афанасия. Наконец, по Божиему попущению, он остался совершенно один. И вот здесь постигло его искушение. Этот испытанный во Христе подвижник стал поддаваться помыслам. Уныние, печаль, тоска, как тучи, сокрывающие солнце, закрыли от него область боговедения. Он тужился, крепился, но мало-помалу совершенно изнемог от этого дьявольского искушения и решился покинуть тот удел, который дала ему Сама Матерь Божия.

Взяв свой игуменский посох, преподобный Афанасий вышел за ворота обители и направился к Карее, монашеской столице Афона, думая сложить там бремя настоятельства. Но Бог судил иначе. Придя в Карею, он увидел пред собою величественную Женщину в голубом одеянии, Которая спросила его удивительно кротким, милующим голосом: «Кто ты, и куда ты идешь?» Преподобный Афанасий изумился: «Этого не может быть, уже более семи столетий, – рассуждал он про себя, – сюда не ступала нога женщины». Впрочем, отвечая на вопрос, он не без смущения, не без досады сам спросил таинственную Незнакомку: «А как Ты оказалась здесь и почему спрашиваешь меня? Неужели Ты не видишь, что я монах, тот, кем мне и положено быть?» Тогда Пречистая Дева (это была Она) вновь спросила его: «Если ты монах, то как можешь оставить вверенное тебе послушание? Разве это сообразно с монашескими обетами?» Услышав такие богомудрые речи, игумен невольно устранился и еще раз посмотрел на Говорившую с ним: «Кто же Ты и почему задаешь мне эти вопросы?» «Я Та, имени Которой ты посвятил свою Лавру, Я Та, от Которой тебе дано здесь игуменство,

Афанасий». Убоявшись прельщения, подвижник вопрошал с детской непосредственностью: «А как я могу увериться, что Ты – Сама Игумения Афонской горы?» Видя его простоту, Пречистая Дева сказала: «Возьми свой жезл и ударь им по этому придорожному камню – тогда узнаешь, с Кем ты говоришь». Преподобный Афанасий с силой ударил по камню жезлом, как некогда Моисей в пустыне Аравийской, – и тотчас из камня, расколовшегося надвое, брызнула вода и с шумом потекла по склону горы вниз, в море. Увидев, что слово Незнакомки исполнилось, ощутив присутствие Царицы неба и земли, он в страхе обернулся, чтобы упасть перед Ней на колени, но Ее уже рядом не было. Тогда святой Афанасий заплакал, каясь и одновременно благодаря Пречистую Деву за то, что Она явила ему.

Конечно же он ободренный вернулся в обитель, тем паче что пред Своим отшествием Матерь Божия обещала ему всегдашнее Свое покровительство и присутствие в Лавре. Она объявила Себя отныне Хозяйкой монастыря, обещав, что никогда в Лавре запасы не оскудеют, но все необходимое для жизни иноческой будет там присутствовать.

Преподобный Афанасий совершенно уверовал в это обетование, тем более что закрома, бывшие дотоле пустыми, оказались, по слову Богородицы, исполненными всеми земными благами. Вскоре была написана икона, названная «Экономиссой». Отныне эконома в монастыре уже не было, но был только помощник Экономиссы, действовавший по Ее благословению.

Это чудо вошло в историю Афона. На месте явления Божией Матери был выстроен храм. И поныне шумит источник, воды которого стремительно бегут к морю, насыщая всех томящихся от жажды путников.

Размышляя об этой значимой вехе жизни преподобного Афанасия, мы можем задать себе вопрос: «Как же так, он, будучи игуменом, поддавшись греховным помыслам маловерия, сомнения и уныния, готов был уже отступить от вверенного ему Божией Матерью послушания, и вот — такая радость, такая перемена обстоятельств к лучшему? Пречистая Дева не только не прогневалась на него, не только не наказала его, а, напротив, утешила, ибо лучшим даром для святого Афанасия было обетование Матери Божией о Ее безысходном пребывании в обители. По-

чему святой сподобился такой милости?» Размышляя об этом, мы найдем ответ в своем сердце. Во-первых, преподобный Афанасий имел искреннюю веру. Он всецело отдавал себя Господу. И если как человек иногда изнемогал, все-таки сердце его никогда не служило и маммоне, и Богу одновременно, в нем была та жертвенность, которая делала его истинным учеником Господа и Матери Божией.

Помимо искренности веры, преподобный Афанасий имел постоянство в богоугождении. Напрягая свои слабые человеческие силы, изнемогая, он, как мог, нес бремя настоятельства, стараясь подавать пример братии в самоотвержении. Отдавая последнее, он всецело принес себя на этот жертвенник. Главной же добродетелью в угождении Богу является, несомненно, постоянство в подвиге, как бы мал и незначителен он ни был.

И наконец, преподобный Афанасий имел великую простоту, цельность и детскость души. Многие из нас искренно веруют, стремятся нести свой крест, но запутываются в собственных мыслях, ибо нам не достает той простоты, которая позволяет человеку выживать в самых трудных и даже порой отча-

янных обстоятельствах. Имеющий простоту веры всегда ходит пред Богом и Матерью Божией. Как бы ни были ограничены окружающие его люди и тяжелы жизненные обстоятельства, простецу во Христе греховность, немощь, несовершенство людей никогда не помешают созерцать совершенства Господа и ощущать близость Пречистой Божией Матери. И в отчаянных обстоятельствах он не отчаивается, потому что верует, подобно царю Давиду, что всегда пред ним Господь: «Предзрех Господа предо мною выну, яко одесную мене есть, да не подвижуся»¹⁾.

Простота есть драгоценный дар, который не позволяет сатане запутать нас в помыслах уныния, отчаяния, самонаветования. Человек, обладающий этим даром, даже не имея сил, все-таки молится, отдавая себя всецело Господу, просит, да свершится над ним святая воля Его. Простец молится так: «Господи, я не достоин рая; хоть в аду – но с Тобою. Да будет со мной святая воля Твоя». Такую искреннюю веру, такое постоянство в добродетели и простоту никогда не презрит Бог. Он всегда Своею благодатью восполнит недостающее нам, исцелит то, что подвержено болезни, и даст паче чаяния, то есть

более, нежели мы надеемся. Подобно святому Афанасию, никогда не терявшему надежды на Пресвятую Богородицу, будем и мы мыслить, чувствовать и действовать. Скудно благочестием наше время, «оскудѣ преподобный» на земле – посему вверим себя полностью водительству Пресвятой Богородицы. Как бы ни было нам тяжело пребывать в подвиге исполнения заповедей, избегая всякого внутреннего словопрения, отгоняя крестом и молитвой сомнение и малодушие, как малые дети, будем благодарить Господа и благословлять Его на всякое время. Аминь.

18 июля 1998 г.,
в день памяти преподобного
Афанасия Афонского

О духовном плодоношении

Во имя Отца и Сына и Святого Духа. Аминь. Приспело время, братья и сестры, великого торжества, и мы с вами единым сердцем и едиными устами вновь восхваляем Игумена Радонежской земли, всероссийского печальника – Преподобного Сергия Радонежского. Для нас с вами, православных людей, празднование дня Преподобного Сергия – это не только дань старине, это не только предание давно минувших дней, но и подлинная школа, училище богопознания. Несмотря на то, что мы отделены от него столетиями, однако, в Церкви Христовой, утвержденной вне времени и пространства, мы едины. Преподобный Сергий нес на этой земле подвиг, к которому призваны и все мы – чада Церкви: подвиг очищения сердца, подвиг покаяния, подвиг стяжания Духа Святого. Преподобный авва Сергий свершал этот подвиг разумно, а посему он принес плод, не в тридесять, не в шестьдесят, а во сто крат умножив дарованное ему Богом от рождения. Всею своею жизнью Преподобный учит нас

со всяким вниманием блюсти сердце свое, ибо сказано в Священном Писании: «Сын мой! ...Храни сердце твое; потому что из него источники жизни»¹⁾. И все многообразные подвиги, как бы велики они ни были, Преподобный Сергей предпринимал во имя одного-единственного – очищения своего сердца, дабы оно соделалось обителью Божества. Разумное подвижничество очень схоже с делом садоводческим. И как опытный садовод ухаживает за прекрасной розой, очищая почву от камней, выпалывая сорняки, унавоживая ее, поливая, все делая ради цветения и благоухания прекрасного цветка, так и мы, вслед за Преподобным Сергием, должны – держим ли пост, правим ли службу, совершаем ли келейные молитвы, приносим ли Богу сокрушенную исповедь, упражняемся ли в подвиге братолюбия – главное внимание обращать на сердце, замечая, какой плод приносит нам то или иное внешнее исправление, тот или иной подвиг.

А теперь обратим свой взор к отдельным вехам из жития Преподобного Сергия. Вот он с младенчества являет воздержание, отказываясь от материнской груди в среду и пятницу, а затем, став отроком, удивляет родителей скудостью своей трапезы. Делает он это не ради тщеславия, но для того, чтобы взрастить в своей душе

плод воздержания, которое в широком смысле есть отчуждение сердца от всего мирского, посещение всех уз, которые привязывают нас к этому миру. Воздержание, усвоенное христианином, делает его подлинным странником, который не задерживается в этом мире, но спешит в «области заочны», то есть, сопрягаясь молитвой с Господом, становится единым духом с Господом. Разумное воздержание, отрешая нас от мирских привязанностей, дает познать наше подлинное небесное сокровище, которое есть Господь Иисус Христос и молитва к Нему. Вот первый плод, возвращенный Преподобным Сергием с юных лет. Он удаляется в уединенное место, и вскоре к нему собирается братия – любители безмолвия, любители строгой монашеской жизни. Но как это часто бывает, диавол воздвигает брань на Преподобного игумена: братия начинает проявлять недовольство, усматривая погрешности в деятельности святого подвижника, а более всего жалуется на суровость жития, на недостаток воды, на удаленность от мирских селений, где можно было бы приобретать пищу. Преподобный Сергей, как может, увещевает братию и наконец принимает мудрое решение: «Коль скоро я стал вам в тягость, коль скоро мое игуменство стало для вас непереносимым бременем, оставляю дом сей пус-

тым». Вверив братию милости Божией, он уходит в Киржач и основывает там иную тихую обитель. Братия же, осознав, какого игумена она потеряла, заплакала и стала высылать посольства, дабы возвратить смиренного Сергия. И тот пришел, ибо носил в сердце второй духовный плод – плод кротости, снисхождения, мудрого понимания человеческой немощи, умения пребывать в мирном духе тогда, когда все вокруг мятутся, тревожатся и смущаются.

Преподобный трудился не покладая рук, но не забывал и единого на потребу. А единое на потребу есть любовь, именуемая Апостолом совокупностью всех совершенств²¹. Стяжавший евангельскую любовь облачается во Христа, достигает Небесного Царства, еще пребывая в этом бренном теле. Преподобный Сергий, законно подвизаясь, стяжал дар любви, проявившийся уже при его земной жизни вышеестественным образом. Вспомним то страшное событие, то испытание, которое постигло весь наш народ, вспомним знаменитую для нас и трагическую для современников Куликовскую битву 1380 года. Отдаленный на многие и многие десятки верст от битвы Преподобный Сергий стоит на молитве, как светильник, в выстроенном собственными руками Троицком соборе. И любовь Христова делает невозможное

возможным. В духе Христовой любви Радонежский игумен видит каждого из благословленных им и окропленных святой водою воинов, которые один за другим подходили к нему в Лавре, прощаясь и прося прощения, ибо и он, и они понимали тогда, что немногим суждено будет воротиться с поля боя. Преподобный Сергей, весь проникнутый, объятый любовью к людям, своим чадам во Христе, поименно возносил молитвы за каждого воина, осеняя крестом павших на поле брани ратников, прося у Господа, у Матери Божией оставления грехов и водворения их со святыми. Так и мы с вами собираем по толике, по крупице, евангельскую любовь, когда молимся за усопших сродников наших, православных христиан, ибо через это поминовение благодать снисходит на нашу душу, содейывая ее обителью Божества.

В заключение скажем еще об одном духовном плоде, который выращивал с усердием, скрываясь от человеческих глаз, Преподобный Сергей. Об этом говорит Апостол: «Плод же духа: любовь, радость, мир, долготерпение, благость, милосердие, вера, кротость, воздержание»³¹. Радость особенно свидетельствует о прикосновении к нашей душе благодати Святого Духа. Преподобный Серафим Саровский, чтивший более всех угольников святого Сергия Радонежского, велевший положить

себе в гроб его образ, исполнился при жизни той радостью, которую стяжал и Радонежский Игумен. О том, что радость Божия всегда почивала в его персях, в его душе, мы можем судить по житию святого угодника. Радость Преподобного Сергия заключалась, между прочим, в ежедневном совершении Божественной Литургии. «Вниду к жертвеннику Божию, к Богу веселящему юность мою», – говорит о Божественной Литургии пророческими словами царь Давид⁴⁾. – «Радосте моя, избави мя от обышедших мя»⁵⁾. В Троице-Сергиевой Лавре, в музее Духовной Академии, до сих пор хранятся деревянный дискос и деревянный потир, выкрашенные красной охрой, – те самые сосуды, из которых Преподобный угодник Сергей причащался Святых Христовых Таин. Радость о Христе особенно наполняла его тогда, когда он отверстыми очами души своей видел Духа Божия, зрел то, что созерцать человек плотоугодливый не может, видел Небесный огонь, который, свившись, вошел внутрь святого потира. Причащаясь с благоговением и страхом, Преподобный угодник и после принятия Святых Даров не рассеивался, не празднословил, не обременял себя житейскими попечениями, но удалялся на безмолвие, дабы созерцать в своей душе всегда пребывающего и действующего таинственно Воскресшего Спасителя.

Дай Бог и нам в этот праздник приобщиться, хотя бы отчасти, этой радости – через принятие Животворящих Тела и Крови Господних.

Ради внимания к своему сердцу, ради непрестанной молитвы Преподобный Сергей сподобился и другой, совершенно неизъяснимой для нас радости – радости посещения его смиренной и убогой кельи Царицей неба и земли, Которая пришла к нему с извещением. Преподобный Михей, ученик святого Сергея, присутствовавший там, от страха и нестерпимого сияния, источником которого была Пресвятая Богородица, пал ниц, накрывшись мантией, дабы ему не ослепнуть. А Преподобный Сергей коленопреклоненно, склонив главу свою, беседовал с Пречистой Девой Марией, взирая на Нее, как сын на Матерь, и сподобился всерадостного извещения, притом что Матерь Божия назвала его Своим избранником. Когда же видение это закончилось и Небесный свет померк в келье, то святой Михей, очнувшись, стал просить авву Сергея: «Расскажи мне, что говорила тебе Дева, о чем ты с Ней беседовал?» На что Преподобный отвечал: «Подожди, чадо мое, ибо дух мой трепещет во мне от радости и я не могу пока сказать ни единого слова». Только к вечеру поведал он то, что посчитал нужным, преподобному Михею. Дай Бог и нам хотя бы отчасти через по-

каяние и молитву стяжать плоды воздержания, кротости, долготерпения, мира, благодати и по принятии Святых Даров в своем сердце ощутить, восчувствовать радость о Христе Спасителе, которую носил в совершенной мере в душе своей Преподобный Сергей Радонежский. Аминь.

18 июля 1998 г.,
в день памяти Преподобного
Сергия Радонежского

**«Открой очи мои,
и уразумею чудеса
от закона Твоего»**

(о духовном разумении
Священного Писания)

Во имя Отца и Сына и Святого Духа. Аминь. Читая Божественное Евангелие или слушая его, мы должны, по слову Христа Спасителя, наблюдать за собою, как слушаем мы и как читаем его. Одни подобны в своем слышании Божественного Писания семени, которое падает при камнях, а потом хищные птицы налетают, выклевывают, выкрадывают его, и душа остается бесплодной. Это бывает с теми, кто тотчас забывает, что он слышал и не может вопрошающему пересказать ничего из слышанного. Иные, кажется, понимают Священное Писание, и смысл его доходит до их совести, но вот всходят терния, плевелы – и заглушают семя. Многоразличные пожелания сердца, суетные помыслы, заботы препятствуют нам удерживать семя слова Божия в душе. Наставники и учителя благочестия учат читать Священное Писание пусть помалу, но с великим вниманием и, если возможно, с благоговением и страхом. О тех, кто так, с усилием, напрягая свою душу, прикасается к слову Божию,

слову Живого Бога, Господь говорит: «На кого Я призрю: на смиренного и сокрушенного духом и на трепещущего пред словом Моим»¹⁾. Нужно учиться читать Священное Писание, изучение же его занимает многие годы. Святой праведный Иоанн Кронштадтский признавался, что в начале своего пастырского служения, ежедневно прилежно читая Священное Писание, он встречал трудность в запоминании его, удерживании в памяти словес Христа Спасителя, не всегда смысл этих слов доходил до его сердца, хотя доходил до ума. Но благодаря постоянству в этом деле, тщанию и молитве, которую и мы можем употреблять вслед за царем Давидом: «Открой очи мои, и уразумею чудеса от закона Твоего»²⁾, отец Иоанн Кронштадтский достиг сердечного восприятия и усвоения Божественного Писания. Священное Писание стало для него хлебом и самой жизнью. Многие встречавшиеся с батюшкой знали за ним такое обыкновение: утомившись от общения с народом, который ежедневно, ежедневно и ежеминутно домогался внимания дивного пастыря, отец Иоанн тут же, при людях, брал несколько минут передышки, садился на стул, на диван, где придется, раскрывал Священное Писание и углублялся в чтение его настолько, что окружающий мир переставал для него существо-

вать. При этом сам лик его просветлялся, он одухотворялся видимо, на глазах у близких: всякое утомление, всякое изнеможение отходили от пастыря, он вставал после чтения освеженный, как будто бы выкупался в чистом источнике. Как же нам с вами, слабым и немощным, подобным расслабленному, о котором возвещало сегодняшнее Евангелие, научиться правильно читать Священное Писание, дабы оно приносило нам пользу, тотчас давало бы плод в самом слышании и чтении? По совету наставников благочестия, читая Писание, стих за стихом, мы не должны блуждать умом, скитаться «на стране далече», но все, о чем читаем, должно разумно прилагать к своей душе.

Священное Писание подобно искре, которая, попадая в наше сердце, тотчас возбуждает его к молитве. Правильно читает Священное Писание тот, кто, слыша о Христе Спасителе, пришедшем в дом, слыша о том, как у ног Его сели ученики и книжники, тотчас помолится: «Господи, сподоби и меня ныне сесть у стоп Твоих и даруй мне услышать Твое Божественное слово». Каждый стих Священного Писания должен возбуждать в нас молитву, так что мы, молясь в простоте сердца, как подскажет душа, становились бы участниками того, о чем слышим и о чем читаем.

Итак, к стопам Господа был принесен расслабленный жилами. Жилы, как известно, соединяют между собой мышцы, благодаря правильной деятельности жил движутся сами телесные члены, расслабление же жилами делает человека бездвижным, лежащим в параличе. Очевидно, что под расслабленным можно разуметь душу того, кто слышит или читает Писание, но не постигает слов его. Прежде всего, эта болезнь касается нашего ума, который, будучи безвидным, неосязаемым, имеет свойство соединять между собою все наши мысли, все наши помыслы, все наши намерения. И если ум у нас находится в здоровом состоянии – воспламенен молитвой, согрет памятью о Боге, – то мысли наши, что здоровые члены человеческого тела. Мы приказываем руке – и она простирается вперед, приказываем ноге – и она делает шаг, приказываем уху – и оно слышит. Человек, имеющий ум здоровым, и мысли в себе самом находит упорядоченными. Если же у нас бывает иначе: мысли находятся в состоянии рассеяния, сумятицы; мы не можем дать отчет в тех помыслах, которые приходят на сердце; слушая церковные песнопения, мы вдруг обнаруживаем, что мысль наша давно уже вышла из храма и бродит где-то недалеко от трапезной, то поневоле убеждаемся в собственном расслаблении.

То же можно сказать и о словах, ибо каждое слово, исходящее из уст, проникнуто бывает определенным чувством. Если сердце наше здорово, исполнено мира, кротости, чистоты, тишины, то и слова бывают разумные, понятные, по выражению апостола Павла, приправленные солью³⁾, то есть исполненные благодати. Исходя из наших уст, они даруют слушающему назидание в вере, утешают. Слово здоровое имеет свойство просвещать ум, укреплять его в вере. Но, к сожалению, у большинства из нас бывает не так. Вследствие расслабления сердечного, слова наши как бы не подотчетны нам. Иной сначала скажет слово, а потом начинает размышлять – чего ради оно сказано? Этот данный нам Богом орган словесности становится для расслабленного сердцем врагом. Слова колкие, праздные, лукавые, лживые, нечистые, исходя из нас, действительно делают нас мертвецами перед Тем, Кто есть Вечное Божественное Слово.

Наконец, наши деяния, поступки преимущественно связаны с волей – деятельной способностью человеческой души. У кого воля – в Законе Господнем, кто волею своею здоров, тот, по слову Апостола, все, что ни делает, творит во славу Божию⁴⁾, и в малом, и большом действии прославляет имя Господне. Воля же грешника расслаблена,

подавлена грехом. Почему весьма часто мы не делаем того, что намеревались сделать, но, напротив, свершаем то, что на самом деле не хотели бы делать. Поэтому деяния наши часто порочат наше христианское звание, бывают соблазном и преткновением для ближних.

Итак, вникая в самих себя, мы видим, что жилы нашей души – ум, сердце, воля – действительно расслаблены. Мы пригвождены к одру нашего собственного тела. Душа, убитая грехом, часто отождествляет себя с собственным телом, а тело, отягощенное страстями, является для души как бы темницей, гробом или одром, на котором душа поживает, не будучи способной помыслить ни о чем небесном и духовном.

Узнавая себя хотя бы отчасти в этом словесном описании, мы поневоле исповедуем себя расслабленными. Но тотчас зададимся вопросом: что же нам делать? Ибо часто расслабленный душой и телом человек чувствует себя бездерзновенным в очах Господа, чувствует себя недостойным даже обратиться к Нему – и хотел бы, но сознание грехов, маловерие препятствуют нам притечь в объятия Небесного Отца. И вот тогда нам надлежит вспомнить о тех неизвестных четырех благодетелях-друзьях, которые, окружив со всех сторон рас-

слабленного, поднесли его к стопам Господа Иисуса Христа – Врача душ и тел наших.

«Кто эти четыре благодетеля?» – может задать вопрос душа боголюбивая, стремящаяся в каждой черте и йоте Писания обрести свет и премудрость. И совесть наша, если мы как следует поразмыслим над читаемым, тотчас нам даст ответ и, прежде всего, скажет о нашей Матери во Христе – Пречистой Преподобной Владычице Богородице Марии. Кому как не Ей свойственно соприсутствовать душе грешной, но не потерявшей надежду на милость Искупителя? Кто, как не Она, является всегдашней Ходатаицей, неотступной Молитвенницей за душу, потерявшую дерзновение пред Богом? Вот почему русский народ исповедует такую великую истину, говоря: «Всякий, призывающий с верой имя Божией Матери, погибнуть не может, но спасен будет Ее предстательством пред Божественным Сыном». Итак, если мы совершенно изнемогли в вере и благочестии, то надлежит нам с теплой молитвой призывать Пречистую Богородицу, чтобы Она Сама неслышными стопами приблизилась к нам и, излив на нас благодать, поставила пред лицом Своего Божественного Сына. Лишь Ее покров дарует нам милость в очах Праведного Судии Христа, делает нас

способными созерцать неприступное сияние Славы Божией.

Помимо Пречистой Девы Марии, очевидно, в деле нашего спасения ближайшее участие принимает тот святой, имя которого мы получили в таинстве Крещения или в духовном Крещении – в постриге монашеском. К сожалению, грубость нашего сердца препятствует нам ясно понимать, осознавать и чувствовать степень участия в нашей жизни небесного покровителя. А между тем, ежедневно с высоты небесной славы взирая на нас, видя на нас запечатленным свое имя, которым он, святой, прославил Бога, святой угодник воздыхает и молится, ревнуя о славе своего имени, которое мы по неразумию часто как бы втаптываем в грязь – бесчестим своими помыслами, словами, деяниями. И тот, кто хочет всегда иметь поддержку небесного покровителя, кто хочет пользоваться его помощью, должен чаще призывать его простыми словами, какими Церковь убеждает молиться святым: «Моли Бога о мне, святыи угодниче Божий, яко аз усердно к тебе прибегаю, скорому помощнику и молитвеннику о душе моей». Часто мы в этой жизни жалуемся, что нас мало любят, что у нас нет подлинных единомышленников, что некому душу открыть, некому поплакаться о наших скорбях, но, однако, мы за-

бываем, что святой угодник Божий любит нас гораздо более, чем наши земные родители. «Отец мой и мати моя остависта мя, Господь же восприят мя»⁵⁾. И действительно, нашим духовным восприемником является наш небесный, Богом данный покровитель, и если бы мы только имели детскую веру, то могли бы ежедневно открывать ему душу, плакать пред ним, раскрывать ему наши немощи, прося благодатью восполнить недостающее. Люди мудрые знают, что между святым покровителем и нами есть и иная связь – это, прежде всего, чин, в котором он пребывает, в котором прославил Бога – преподобный, мученический, святительский, праведный. Те, кто со вниманием и молитвой читают житие своего святого покровителя, просят у Господа сил и разума, дабы по мере своих скудных возможностей подражать угоднику Божию, обязательно будут в этой земной жизни находить подтверждение близости к ним небесного покровителя, который, взяв их за руку, ведет их по узкому земному пути в Небесное Царство.

Наконец, у одра нашего стоит еще и Ангел-Хранитель, наш бесплотный друг, небесное существо, все сотканное из любви к Богу, из радости, бодрости, стремления угождать Создателю. Кто будет с трепетом молиться Ангелу-Хранителю,

вскоре увидит, как он «неприкосновенным светом» своим просвещает душу. У Ангела-Хранителя мы могли бы научиться всем главным христианским добродетелям и, прежде всего, стремлению исполнять Закон Божий на всякое время и во всяких обстоятельствах, научились бы у Ангела-Хранителя радостно благодарить Бога в самих скорбях или в том, что кажется нам скорбями. В нем мы увидели бы ту небесную чистоту, сроднившись с которой, мы стали бы неприступными для грязных мыслей, нечистых помыслов и земных страстей.

Кто же еще, помимо Матери Божией, небесного покровителя и Ангела-Хранителя, подносит нас на одре ко Христу Спасителю? На этот вопрос, наверное, каждый ответит по-разному. Кто-то скажет: «Это мой духовный отец, данный мне Богом духовник. Я знаю, что он часто с вздыханием и со скорбью молится обо мне, ибо жизнь моя безупречна. Только благодаря его молитвам я еще жив, стою пред Богом». А другой ответит: «Это моя мать во Христе, данная мне свыше. Сколько раз я ее прогневила своим ропотом, непослушанием, маловерием, сколько раз окрадывала себя дурными мыслями. Но ее любовь, ее снисхождение, ее мудрость преобладали мою скудость, мой грех. И вот ныне я

ощущаю, что с ее помощью имею силу продолжать свой подвиг». А кто-то, может быть, скажет: «Нет у меня ни духовника, ни матери во Христе, но есть у меня такой покровитель, такой угодник Божий, с которым я никогда не расстанусь в молитве». И действительно, зная скудость нашего времени, зная, что ныне трудно обрести духовника и истинного наставника, Господь тем, кто имеет сердечную веру, дарует вместо духовника, например, самого Святителя и Чудотворца Николая. И иная простая женщина, может быть, даже не умудренная в вере, молясь ежедневно пред образом Угодника Божия, призывая милостивого Николу, все делая в его очах, твердо убеждена, что его молитвами у нее ежедневно на столе хлеб. С молитвой к нему она засыпает и просыпается, и он является ее небесным и земным руководителем.

Итак, братья и сестры, исповедуя свою немощь и расслабление, ощущая себя недостойными милости Божией, хотя и стремясь к ней, неленостно будем вверять себя этим крепким и здоровым нашим помощникам: Пречистой Богородице, святому Ангелу-Хранителю, небесному покровителю, будем всегда поминать в молитвах наставников наших, которые бдят о душах наших, готовясь дать за них отчет. И тогда, как

бы ни были мы сами по себе немощными, как бы ни складывались обстоятельства нашей жизни, даже если постигнут нас лютые падения, страшный грех, Господь от нас никогда не отступит, всегда положит нам на сердце благую мысль о покаянии и примет нас с любовью, если не ради нас самих, грешных и гордых, то ради тех наших поручителей, которых дарует нам благодать Господня, дабы никто из нас не погиб, но обрел во Христе жизнь вечную. Аминь.

19 июля 1998 г.,
в день празднования
собора Радонежских святых

Нет пророка в своем отечестве

(о грехе осуждения)

Во имя Отца и Сына и Святого Духа. Аминь. Сегодня Евангелист возвещал нам о Христе Спасителе, возвратившемся в Свое отечество. Знавшие Господа в течение многих и многих лет (среди них были и законоучители, и фарисеи, и простые люди) недоумевали, проявляя неверие Спасителю и вопрошая друг друга: «...откуда у Него это? что́ за премудрость дана Ему, и как такие чудеса совершаются руками Его? Не плотник ли Он, сын Марии, брат Иакова, Иосии, Иуды и Симона? не здесь ли между нами Его сестры?..»¹⁾ И Господь, удерживая Свою благодать, не сотворил тех чудес и исцелений, которые хотел сотворить, ибо «пророк, – заключает Писание, – не имеет чести в своем отечестве»²⁾.

Действительно, окружавшие Спасителя в Капернауме люди знали Его по плоти. Видя Его человеческое лицо, они, однако, не имели тех помыслов, которые должно было бы им иметь, в их сердцах гнездились недоброжелательство и зависть, а посему от них было сокрыто Боже-

ство Христово, они не признавали за Господом права учить народы и, таким образом, лишены были тех благодеяний, которые уготовал им Христос Спаситель. Священное Писание возвещает истину важную и для нас, потому что весьма часто мы теряем благоговение и страх Божий, особенно по отношению к тем, с кем общаемся ежедневно, будучи связанными с ними узами родства, общей службы или братства во Христе. С людьми малознакомыми, которых мы видим в первый или во второй раз в жизни, нам бывает легче. Мы испытываем к ним благоговение, сдерживаем самих себя, не допуская ни празднословия, ни вольностей, ни дерзостей. А с теми, кого знаем уже давно, с кем съели пуд соли, вот перед ними мы не считаем нужным сдерживать себя, открывая им не только хорошее, но и плохое, погрешаем дерзостью, губящей все добродетели.

На всякого нашего ближнего у нас уже готово суждение, а вместе с тем и осуждение. Мы относимся к окружающим нас снисходительно-покровительственно. Когда спрашивают наше мнение о том или ином человеке, мы презрительно машем рукой: «Да что о нем и говорить. Всем известно, какова эта

душа». И таким образом из нашего сердца уходит и страх Божий, и трепет, и благоговение, и снисхождение, и жалость, и любовь, а остается только осуждение, насмешка, разочарование и прочие греховные расположения. Между тем, так погрешительно судя о наших близких, произнося суд по плоти, а не по духу, мы много ошибаемся, забывая, что стоящий перед нами человек есть драгоценнейшее создание Божие, забывая, что Христос не возгнушался ради него воплотиться и, более того, взшел на Крест, пролив Свою драгоценную Кровь.

Мы не понимаем, каким образом Бог ведет наших близких ко спасению, не ведаем пути Господнего, не знаем действия благодати Божией относительно окружающих нас людей. Мы не в состоянии понять внутренних расположений сердец ближних, нам не ведомо, как они каются пред Богом, смиряемые собственными немощами, неисправностями, тем более не знаем, когда Господь их прощает, когда награждает милостью в награду за смирение, за исповедание грехов. И быть может, близкий нам человек уже давно изменился в своих помыслах, быть может, он уже стоит в чине праведников, хотя

бы того и не сознавал, а у нас по-прежнему о нем суждение жесткое, насмешливое, так что мы, не сотворяя милости ему, и сами бываем судимы без милости. В отечестве своем пророк не признается... Мы отказываем ближним в тех духовных дарах, которые они, не приметно для себя, стяжали. Ибо один, может быть, томимый скорбью, давно уже стяжал непрестанную молитву, хотя она выражается у него в двух словах: «Господи, помилуй». А другой, унижаемый собственным грехом, давно перестал осуждать ближних, говоря: «Где мне судить окружающих, когда я сам осужден».

И вот, не видя и не примечая, вследствие душевного косоглазия, даров наших ближних, мы и сами бываем лишены всех духовных даров, потому что, в какую меру мерим, в такую и нам Господь отмеривает. Бог, по учению Святых Отцов, берет в отношении нас пример с нас самих. И если мы по отношению к нашему ближнему воздерживаемся от осуждения, если между нами и ним поставляем Господа и Его благодать, если понимаем, что душа ближнего таинственна, глубока и непостижима, если вверяем его со всеми немощами и добродетелями милости

Божией, то тогда и в нас вселяется Дух Святой. Старец Силуан Афонский так поучал окружающих его иноков: «Помышляйте, что вокруг вас стоят и ходят те люди, в которых вселился Дух Святой. Беседуя с кем бы то ни было, с самым незначительным и неприметным в монастыре человеком, думай о нем: «Господи, мне жалко сие создание Твое. Да будет с ним всегда благодать Господня». Рассуждайте, что окружающие вас люди водимы благодатью Божией и воздерживайтесь от всякого суждения в отношении их, тогда и вам Господь даст Духа Своего Святого, Который на всякий день и час будет утешать вас нетленным Своим присутствием».

Таким образом, Священное Писание хочет, чтобы мы все были целомудренны в мыслях, а подлинное целомудрие в мыслях проявляется тогда, когда мы боимся даже в помыслах прикасаться к сердцу близкого нам человека, но, всецело вверяя его милости Божией, сами едины с Единым Богом пребываем. Подвижники благочестия говорят: «Пока ты не умрешь для людей, не оживешь для Бога». Умереть для людей – это значит перестать любопытствовать, испытывать чужие сердца, всецело вверять окружающих

милости Божией. Только таким образом можно научиться ходить пред Богом. Такой человек, хотя бы вокруг него было много народа, всегда имеет возможность умом и сердцем молиться Небесному Отцу в тайне своей сердечной кельи. Аминь.

20 июля 1998 г.,
в день памяти преподобных
Сергия и Никона Радонежских

«Боюсь Единого, Живущего на Небеси»

(о жертвенном служении
Господу и Божией Матери
святого патриарха Гермогена)

В о имя Отца и Сына и Святого Духа. Аминь. Каждый раз, братья и сестры, когда наша Мать Церковь учреждает празднества в честь Пресвятой Владычицы Богородицы и Приснодевы Марии, православная душа бывает посещена радостью, по действию к нам любви Матери Божией, каждый раз дух благочестивого человека восходит от земли к небу и побуждается переосмыслить то, что ему хорошо знакомо, обретая в самом праздничном событии пищу для своего сердца. Сегодня мы поклоняемся одному из самых чтимых и любимых нашим народом Казанскому образу Матери Божией.

Пречистая Дева для явления на русской земле этой чудной иконы избрала простую маленькую девочку, которая, познав на себе благодать Божией Матери, впоследствии приняла монашество, ибо она не могла уже больше оставаться в миру. Стало быть, само появление Казанской иконы нас побуждает ис-

полнить заповедь Христа: «Если не обратитесь и не будете как дети, не войдете в Царство Небесное; ...кто умалится, как это дитя, тот и больше в Царстве Небесном»¹⁾. И действительно, Богородичный праздник делает нас малыми детьми, ибо все мы одинаково благоговеем и преклоняемся пред величием Божией Матери. Вспомним еще, что с явлением этой иконы связана личность будущего патриарха всея Руси Гермогена, который в то время служил священником в граде Казани. Именно этого благочестивого пастыря родительница маленькой Матроны, получившей откровение свыше, пригласила в сад, во двор своего дома, где и была обретена икона, ибо они сами не посмели взять ее своими руками. Как свидетельствует летопись, икона была перевязана, как бы укутана в рукав кафтана вишневого цвета, притом что сам образ так блистал красками, как будто был только что написан. И никто поныне не ведает, написан ли он рукой человеческой или непосредственно дарован Богом.

Священник Гермоген с благоговением преклоняет колена и из недр земных, как бы из темницы, извлекает икону, словно даруя сво-

боду Матери Божией. Он никогда уже не расставался духом с этим чудесным образом. Совесть побуждала его запечатлеть на бумаге все, что он видел, чему сам был очевидцем. Некоторое время спустя будущий патриарх в уединении пишет службу с акафистом Казанской иконе Матери Божией.

Господь за такое усердие и благоговение щедро наградил Своего служителя: священник Гермоген становится очевидцем многих чудес, изливаемых Матерью Божией на только что крещеных людей, большинство из которых – татары, населявшие Казанское царство. Грозный царь Иоанн Васильевич, услышав о благодати, посетившей Казань, распоряжается доставить икону в Москву, где она почитается наравне с главной святыней нашего народа – Владимирской иконой Божией Матери.

И скромный провинциальный священник, чуждый всякого честолюбия, всяких карьерных соображений, никогда не мечтавший о том, чтобы попасть в Москву, но сознававший, что само священство, литургисание является главным сокровищем его сердца, не был забыт. Сама Матерь Божия требует к Себе этого человека, который вызволил Ее

из заключения, – неисповедимыми путями казанский пастырь становится всероссийским патриархом.

Многие из нас, слыша слово «избранник», «избранница Божия», помышляя об этой высоте, мечтают: «Как бы и мне сподобиться такого избрания», не задумываясь, что избрание всегда есть бремя. Когда Бог поставляет на высокое служение, сообщая избранному Им лицу соответствующие дары и силы, то одновременно и призывает к трудам, вручая крест, под тяжестью которого избранник Божий иногда пригибается, подобно Самому Спасителю, несшему Крест по скорбному пути на Голгофу.

Так случилось и с патриархом Гермогеном. Уже будучи в преклонном возрасте, он мог бы сказать словами нашего последнего Государя-Мученика Николая II: «Кругом измена, трусость и обман». Те, на кого должно было опереться русское общество, бояре, представители знатных аристократических родов, изменили России, Святой Руси, в самом ее сердце – Москве. Они вошли в сговор с поляками, помышляя о наградах, подобно Иуде, который следовал за Христом, может быть, только ради того, чтобы занять

теплое место в том земном царстве, которое он, Иуда, в воспаленном своем воображении рисовал, не понимая, какого духа проповедь Сына Человеческого.

Итак, бояре, видя непреклонность этого немощного и, казалось бы, всеми оставленного старика, думали запугать его физическим насилием. Один из них, Салтыков, взяв в руки нож, приближается к уже арестованному, заключенному в Кремле патриарху Гермогену и, размахивая пред ним холодным оружием, грозит расправой. Но тот отвечает словами, которые вдохнула в него Матерь Божия и которые обыкновенно пишутся на свитке, что держит патриарх Гермоген, изображенный на иконах: «Боюсь Единого, Живущего на Небеси». Своей старческой грудью он защитил Православие в России тогда, когда сама страна была на краю гибели.

Враги, а наипаче диавол, желают упрятать этого светильника под спудом, дабы он не светил людям силой своей проповеди, дабы нравственная его сила была сокрыта в подземелье. И вот, цинично посмеиваясь, они спускают его в подвал Чудова монастыря, куда не проникает ни единый луч света, полагая, что этот каземат убедит патриарха

лучше, чем они, принять все то, что предлагали ему изменники Православия. Но не таким был наш святитель, закаленный постом, воздержанием, всецело посвятивший себя служению Господу и Матери Божией. Он опускается в этот подвал с решимостью, если будет нужно, отдать за Господа и самую жизнь свою.

Никто из людей, ни летописцы, ни современники этого события, ни потомки, никогда не смогут узнать, что чувствовал, как мыслил, какую благодатную помощь получил святой патриарх Гермоген в этом подземном заключении. Мы можем лишь догадываться, что он вспоминал там начало своего служения, свою молодость и, пересматривая одно за другим события собственной жизни, каясь в грехах и немощах, которые конечно же у него были, как у всякого человека, он не мог не сличить своего положения с судьбой Казанской иконы Матери Божией. И, может быть, он так молился в недрах земных: «Матерь Божия, помяни меня, служителя Твоего. Как некогда я, недостойный, извлек из земли Твой образ, так и Ты ныне прими мою душу, не остави ее во тьме, избави ее от власти темной, но под

Твоим Покровом сохрани меня и препроводи в Царство Сына Твоего, ради Которого я подвигаюсь, ради Которого оказался в этих узах, ради Которого умираю голодной смертью». Так он молился и не роптал, с кротостью предавая душу свою в руки Божии. И Матерь Божия не заставила Себя ждать. Мы с вами верим конечно же, что Она утешила и избавила от страха смертного Своего угодника и служителя, приняв его душу. Вскоре после его кончины Матерь Божия как истинная Царица русской земли явилась в Кремле. Она возмутила дух русского войска, и славный князь Димитрий Пожарский со слезами внес в опустевший и обезображенный врагами Православия Кремль Казанскую икону, ища повсюду святителя, дабы тот второй раз обрел чудотворный образ. Но его не было ни в палатах, ни в соборном храме, и только по истечении долгого времени нашли бездыханное тело святителя в подвале Чудова монастыря. Думаю, что когда отпевали святого патриарха Гермогена, Казанский образ Матери Божией находился недалеко от него.

Вспоминая и размышляя об этом, каждый из нас, конечно, возжелает послужить,

как может, Пречистой Богородице. А для Нее и малое дело, нами предпринимаемое, с намерением прославить Ее Имя, не остается незамеченным. И в миру, и в монастыре каждый должен посвящать Богородице Марии свои малые усилия. Кто-то сплетает собственными руками венок к праздничной иконе Богородицы, и совесть свидетельствует ему, что Матерь Божия благоволит принять этот дар. Кто-то вышивает Пречистой Деве Марии плащаницу или пишет Ее икону, и чем более трудится, тем более сродняется с Ней духом. Другой, пестуя чад своих, возвращая тех, кого дал ему Бог, молясь, дабы Богородица сохранила их души в чистоте, посвящает детей Матери Божией. Но все перечисленное уступает иному подвигу – монашескому. Для того чтобы сохранить монашеские обеты неукоризненными, всецело посвятившим себя Богородице приходится скрываться от мира в обителях, дабы князь века сего не искусил, не осквернил то, что отныне будет принадлежать Богу. Однако высший род служения Богородице, превышающий все сказанное, есть посвящение Ей целиком души своей – помыслов, мыслей, намерений и чувств сердечных. Ибо, как го-

ворит преподобный Серафим Саровский, подвиг девства не каждому по силе, но то, чтобы помыслы посвятить Богородице, подобно Авелю, который лучшую жертву отдал Господу, а худшую оставил себе, – на это каждый из нас способен.

И вот эту жертву, как благоуханный фи́миам, как благовоние некое, принимает от каждого из нас Богородица – идем ли мы путем безбрачия или несем крест супружества. И на это, собственно, мы должны обращать преимущественное внимание, живя в монастыре или в шумном городе. Потому что и дева может быть юродивой, безумной, неразумной, коль скоро по внешности принадлежит Богородице, а душа у нее пребывает в нечистоте, разбросанности чувств, не осенена миром и чистотой Богородицы Марии.

В этот праздник, братья и сестры, лобызая икону Пречистой, готовясь причащаться Святых Таин Христовых, принесем благочестивый обет Деве Марии, чтобы всеми помышлениями, всеми чувствами, самими расположениями сердечными нам, словно пряжей или нитями, соткать для Матери Божией приличествующее Ее святыне оде-

яние, дабы Она, приняв от нас эту лепту, и наши души украсила, соделав достойными Своего празднества. Аминь.

21 июля 1998 г.,
в день памяти явления
Казанской иконы Божией Матери

**«Просвети
одеяние
души моея,
Светодавче...»**

В о имя Отца и Сына и Святого Духа. Аминь. Сегодня, братья и сестры, Русская Православная Церковь вспоминает славное событие, относящееся к началу XVII столетия, когда персидский шах Аббас I, мусульманин, пожелал сделать приятное нашему благочестивейшему Государю – Алексею Михайловичу Тишайшему. Выражая таким образом свое смирение перед православной русской державой, перс посылает в Россию святыню, которая с раннего средневековья, по Промыслу Божию, находилась в руках неверных, – ризу Господа и Бога и Спаса нашего Иисуса Христа. Ковчег с ризой Спасителя принял на руки великий ревнитель о православной святыне патриарх Никон. Москва трепетно готовилась к этому событию. На всем пути шествия ковчега в Успенский собор Кремля стояли сонмы людей, движимых чувством любви ко Господу, стремящихся, если не прикоснуться, то хотя бы издали увидеть

великую святыню, которая заняла подобающее ей место в главном соборе православной Руси. Летописец свидетельствует, что сомнения в подлинности ризы Господа сами собой отпали, когда на глазах у всех стали прозревать слепые, исцеляться недужные, калеки. В Москве на месте встречи чудотворной святыни вскоре был выстроен храм Ризоположения. В течение двух столетий часть этой ризы находилась в Успенском соборе. Только после обстрела большевиками Московского Кремля и последующего разграбления национальных святынь она была утрачена. Сегодня о месте ее пребывания только Господь знает. В честь положения ризы Господа в Москве был установлен праздник и составлена служба, которая неопустительно правится Православной Церковью.

Поразмышляем несколько о ризах Господа Иисуса Христа. Это были верхние одежды, напоминающие мантию монаха, очевидно, преподанные Спасителю Матерью Божией, Которая Сама изготовляла их Своему Божественному Сыну, – нешвенный, тканый хитон (он хранится Грузинской Православной Церковью) и шитые ризы. Эти ризы, освященные прикосновением к Божественному Телу Гос-

пода Иисуса Христа, обнаружили чудотворные свойства. Евангельский текст повествовал нам сегодня, как больные стекались со всех сторон Палестины и приступали ко Христу, принося расслабленных, парализованных, одержимых бесами, лунатиков, и каждый, кто прикасался к этим ризам, принимал по вере своей исцеление. В этих ризах Господь незадолго до Своих крестных страданий взошел на гору Фавор, и апостолы увидели, что под воздействием Божественного света, Источником которого и Который был и есть Сам Господь, ризы Спасителя убелились, просветились, стали белоснежными и светоносными. В этих же ризах предстал Господь в Гефсиманском саду Иуде-отступнику и рабам, слугам архиерейского двора. В этих же ризах Спаситель провел скорбную ночь в темнице, в доме первосвященника с четверга на пятницу. Уже тогда Он подвергся избиению, так что Божественная Его Кровь выступила на Теле и была впитана этими одеждами. А на следующий день воины, совлекшие со Спасителя одежду, стали избивать Его и кулаками, и палками, били по Главе Всесвятой, увенчанной терновым венцом, затем хлестали плетью, снабженной металлическими шариками, которые превра-

тили Тело Господа в единую кровоточащую язву. Все это предвидел пророк Исаия еще задолго до Рождества Христова, быть может, говоря о Христе бичуемом: «От ног даже до главы несть в Нем целости»¹⁾. После такого избиения, когда хламида – подобие царского одеяния, багряница, была снята со Спасителя, Он облачается в Свои ризы, и они напитываются Его Всесвятой Кровью. Спаситель влачит Крест на Голгофу, падает под его тяжестью, так что и на ризах отпечатывается Животворящий Крест Господень. Уже распятый Спаситель видит с высоты Креста, как грубые, бесчеловечные воины, не имея никакого сострадания к Нему – их Создателю и Испытателю, разрывают одежды Его, по слову пророка Давида, «разделиша ризы моя себе, и о одежди моей меташа жребий»²⁾. Каждый из воинов взял часть нешвенного хитона себе, но впоследствии, по благодати Божией, святыня эта была сохранена и пребывала в Константинопольской Православной Церкви. О дальнейшей ее судьбе мы уже рассказали.

Конечно, этот праздник, вызывающий в нас чувство благоговения к святым одеждам Господа и наполняющий сердце скорбью по поводу утраты этой святыни, имеет не только

историческое значение. Нам с вами, которым даровано причащаться Тела и Крови Господа Иисуса Христа, в Которых Господь обитает Своей благодатью, должно думать о таинственном, духовном значении этого праздника, ибо Христос Спаситель в тот час, когда возродил нас водою и Духом, соделал нас Своими детьми, так что мы стали плоть от Плоти и кость от Кости Его, даровал нам облечься в нерукотворенные одежды благодати. В час крещения над каждым из нас священнослужитель и вся Церковь воспевала: «Одеяйся Светом, яко ризою, ризу мне подаждь светлу, Многомилостиве Христе Боже наш». И действительно, в час крещения мы были просвещены действием Божией благодати и исполнились того самого Света, источником Которого является Господь, преобразившийся видимо для апостолов на Фаворе.

Но, к сожалению, многие из нас, не будучи научены благоговеть перед этой светоносной одеждой, пребывая, как птенцы, вне гнезда, в отчуждении от Матери нашей Церкви, не сохранили чистоты и непорочности этих крещальных риз. Напротив, мы облеклись во вретище – грубую, темную, безобразную, мерзкую одежду, сотканную из пороков, лу-

качества и страстей. В жизни каждого из нас было такое время, когда мы, подобно блудному сыну, отошедшему на страну далече, восплакали, обнаружив нечистоту душевных наших риз, восскорбели, осознав, какого богатства лишились, какое сокровище не уберегли, расточили, работая лукавому духу. Самое страшное, что многие затем, забыв о покаянии, впали в обольщение, находясь под воздействием растленного духа времени. Пребывая в прелести, самодовольстве, служа греху и пороку, сделавшись отступниками от Господа, мы не слышим слов, обращенных к искупленным Его Кровью душам: «...ты говоришь: «я богат, разбогател и ни в чем не имею нужды»; а не знаешь, что ты несчастен и жалок, и нищ и слеп и наг. Советую тебе купить у Меня золото, огнем очищенное, чтобы тебе обогатиться, и белую одежду, чтобы одеться и чтобы не видна была срамота наготы твоей, и глазною мазью помажь глаза твои, чтобы видеть»³⁾.

И действительно, когда мы обращаемся к Божественному Писанию, когда узнаем о грехах и начинаем каяться, исповедуя их у Креста и Евангелия, нам открывается безобразие, нищета, злосмрадие нашей души, истлевающей

в смертных грехах. Вот тогда христианин начинает воспевать уже иную песнь: не самообольщения, не гордости, не лукавства, но песнь покаянную – «На реках Вавилонских...»⁴⁾.

«Чертог Твой вижду, Спасе мой, украшенный, – поет Церковь от лица кающихся грешников, – и одежды не имам, да вниду вонь: просвети одеяние души моя, Светодавче, и спаси мя». Вспоминая о Кресте, на котором был распят Спаситель, христианин берет в руки крест покаяния, самоотвержения, исполнения заповедей и вместе с Церковью говорит такие слова: «Во едином часе рая разбойник сподобился, Господи, просвети Древом Крестным одеяние души моя и спаси мя». И вот, по мере несения креста смирения и покаяния, просветляются душевные ризы кающегося грешника. Спаситель, с небес взирая на людей, которые все уклонились от благочестия, все согрешили, тем не менее говорит о некоторых усердных богобоязненных рабах Своих: «...в Сардисе есть несколько человек, которые не осквернили одежд своих и будут ходить со Мною в белых одеждах, ибо они достойны»⁵⁾.

И святой Иоанн Богослов видел торжествующих на небесах праведников, то есть

покаявшихся грешников, держащих в руках пальмовые ветви – знамение победы и воскресения, и одеты они были в светоносные ризы. Недоумевая о красоте этого преображенного покаянием естества человеческого, апокалиптический старец спросил святого Иоанна Богослова: «Кто сии и откуда пришли» – и ответил сам: «Это те, которые пришли от великой скорби; они омыли одежды свои и убелили одежды свои кровию Агнца»⁶⁾. Из этого следует, что и для нас нет иного пути к очищению, просвещению нашей души, кроме как через покаяние, в котором совесть наша омывается Кровью Господа Иисуса Христа; и конечно же посредством причащения Святых Таин Христовых, когда мы соединяемся с Господом и Он огнем Своей Божественной любви пополяет и очищает нас не только от грехов, но и от самих терний грехов – страстей, страстных движений нашего испорченного сердца. Стало быть, в этот праздник Положения ризы Господа нашего Иисуса Христа каждый из христиан должен тщательно и придирчиво осматривать одежды души своей, вопрошая совесть: «Во что я облечен, Господи, в очах Твоих? Может быть, людям я кажусь человеком благо-

намеренным, благочестивым, может быть, мои одежды производят на них впечатление, ибо я сам имею образ праведника, увеличиваю воскрися риз моих, как некогда фари-сеи. Но по сердцу я гроб, исполненный костей и всякой нечистоты. Господи, просвети одеяние души моея!»

Приобретая внутренний покаянных плач пред Богом, обнажая пред Ним свою наготу и неприбранность души, мы, словно дети, призваны притекать в объятия Иисуса Христа, прикасаться к Его ризам, более того, принимать в себя Его Тело и Кровь и, по неизреченной любви к нам Господа, восчувствовать еще здесь, на земле, что дано каждому искренне кающемуся, как прикосновением Своего света Господь убеляет нашу душу: «Если будут грехи ваши, как багряное, – как снег убелю; если будут красны, как пурпур, – как вóлну* убелю»⁷⁾. Мы должны еще здесь, на земле, уверовать и познать опытно, как душа исполняется светом всепрощения, милости Божией, мы должны изменить образ мыслей наших. Если поначалу христианин

* *Вóлна* – овечья шерсть, промытая и «расчесанная» (Беловинский Л.В. Российский историко-бытовой словарь. – М: Студия «Тритэ» – «Российский Архив», 1999, с. 76).

осознает себя связанным по рукам и ногам грехами отступником, прелюбодеем, скопищем нечистоты, то искренне каясь, молясь и причащаясь, он возвращается к мысли о своем сыновстве: он – дитя Божие, он – создание немощное, но искупленное Кровью Христа. Такой человек начинает радоваться от того, что в его душе появляется начаток чистоты, пробуждается ощущение верности Богу. Обретая радость о Христе, он понимает, что ризы Господа и Сам Господь воистину есть Свет, просвещающий всякого человека, грядущего в мир. Аминь.

23 июля 1998 г.,
в день празднования положения
честной ризы Господа нашего
Иисуса Христа в Москве

Мудрейшая из жен Российских

(слово о святой
равноапостольной
княгине Ольге)

Во имя Отца и Сына и Святого Духа. Аминь. Радует взор усыпанная листьями крона мощного дерева, но что она без корней, уходящих глубоко в землю? Так и мы ничто без духовного корня... А корни нашей веры и благочестия, начало нашего жителства во Христе восходят к ныне чествуемой святой равноапостольной блаженной княгине Ольге. И что Ева, общая всем нам мать, для всего человеческого рода, то святая Ольга, мудрейшая из всех жен Российских, как именуется она в летописи, для русского православного народа. Она есть истинная наша мать, наша духовная родительница, в лике которой русские православные женщины всегда созерцали свой нравственный идеал.

Большинству из нас хорошо известно житие святой Ольги. Кратко воспомянем некоторые из главных вех ее жизни. В юности, еще будучи некрещеной и не просве-

щенной верой, Ольга уже отличалась естественными добродетелями, заботясь, прежде всего, о сохранении невинности, чистоты и целомудрия. Это было совсем не просто в то время: тогда на языческой Руси повсюду свершались непотребства, а само почитание идолов располагало язычников к жизни нечистой. Но не такова была девица Ольга, много времени проводившая среди северной природы, любившая уединение и отвращавшаяся не только от дел скверных, но даже и от помыслов недостойных. Об этом свидетельствует, между прочим, и ее встреча с будущим мужем, князем Игорем. Переправляясь в лодке через реку, молодой князь увидел перед собой прекрасную девицу; посмотрев на нее внимательно, приметил разум в ее очах, стройность стана и тотчас, как тогда было принято, предложил ей руку и сердце. Ольга, как ни лестно было для нее подобное предложение, не поспешила принять его. Обладая внутренней строгостью, целомудрием, она осаждала ретивого князя, переправила его через реку, как он того желал, и взяла время на размышление, дабы и князь мог проверить свои чувства.

Впоследствии они жили душа в душу, но, как известно, князь был убит в расцвете лет собственными подданными во время сбора подати, а княгиня Ольга, еще некрещеная, воспитанная в условностях того времени, почитала праведным делом кровавую месть древлянам, что и отражено в летописях, повествующих о том, как княгиня Ольга повелела собрать воробьев, привязать к их лапкам горящую паклю – и город, где жили древляне, был сожжен, когда пичужки возвратились туда, думая там возгнестись. Однако время шло, и княгиня, самым Промыслом ведомая, научаемая жизнью, мало-помалу ощущала недостаточность всего того, что она знала о Боге, мало-помалу ее сердце располагалось собирать по крупицам свидетельства о Христе Спасителе. Благовестие о Господе уже проникало через отдельных проповедников на языческую Русь. И вот она, влекомая благодатью Божией, на ладье прибывает в Византию, в Константинополь, где предстает пред лице Византийского императора и патриарха Вселенской Церкви. Все были поражены ее статью и красотой, но более всего – ее разумными речами. Патриарх, муж духовный, понимает, что Сам Спа-

ситель привел к нему эту таинственную северную гостью, с трудами которой будет связано впоследствии прославление имени Христа. Летописец свидетельствует, что Ольга, как губка, впитывала в себя слова огласительной беседы, сердце же ее, смиренное жизнью, уже давно было готово всецело отдать себя Богопознанию и угождению Спасителю. Таинственно, но видимо для всех, преобразилась душа новокрещеной княгини россов: в крещенской купели остались все ее грехи, во многих из которых была повинна не столько она, сколько язычество, ее воспитавшее. Облекшись в белоснежную крещальную ризу, святая Ольга никогда уже не совершала смертных грехов, никогда не оскорбляла благодать, живущую в ее сердце.

От греческого императора и патриарха она получает драгоценные дары, один из них — крест-мощевик, который в течение нескольких столетий пребывал во граде Пскове и исчез лишь во время революционного вихря. Принимает она и многие другие святыни и с честью возвращается назад, уже не одна, но имея при себе греческого священника.

Таким образом, в житии святой княгини Ольги, да и в жизни всей Руси Великой, от-

крывается новая страница. С тех пор святая Ольга пребывала в постоянной молитве. Трудно ей было править Отечеством без мужа. Слабая женщина, она твердой рукой поставляет на всех погостах, холмах, весях, куда прибывает для сбора дани, Животворящий Крест Господень. Святой Ольге мы обязаны проведением первых границ, которые отделили Русь от соседних языческих племен. Святая Ольга сочетала в себе и строгость, и мягкость, ее боялись, но и уважали. Она никогда более не давала места несправедному гневу, но старалась быть правосудной, памятуя, что милость превозносится над судом. Особенная похвала принадлежит святой Ольге за мудрое воспитание внука Владимира. Сын Ольги, всего более любивший кочевую жизнь, воинские подвиги, брань на ратном поле, оставался язычником и не хотел склоняться к проповеди о Христе, заповедавшем прощать, не помнить обид, любить врагов. Естественно, влияние отца сказывалось и на внуке, поэтому бабушка, понимая, что значит в жизни дитяти святое Крещение, трепеща за его жизнь, тем не менее не спешила со совершением таинства, но со всей нежностью и любовью поучала смышленного мальчика, раскры-

вая ему евангельские истины, ненавязчиво преподавала назидательные уроки жизни, зная, что время все разрешит. Святая Ольга веряла милости Божией, покрову Богородицы юного Владимира, который, войдя в отроческий и юношеский возраст, находясь под влиянием отца, казалось, забыл бабушкины уроки и отдавал дань темному язычеству, о чем свидетельствуют летописи.

Когда приблизился час кончины святой Ольги, она произнесла молитву, исполненную благодатной мудрости духа. Она молилась Сердцеведцу Господу о прощении ее грехов, смиренно вручая Промыслу Божию судьбы любимой ею Руси. Она чувствовала, что не пришло еще время просвещению Отечества. Будучи одинокой в своих христианских убеждениях, святая Ольга, однако, не отчаивалась, не озлоблялась, как многие из нас, почитающие за ничто своих неверующих родственников, которых унижают в мыслях, отчуждаясь от них, но с любовью молилась за людей, вверенных ей Богом, говоря: «Господи, аще воля Твоя будет, просвети их светом Евангелия Твоего». Тело ее не предали огню, как это было принято у язычников. Строго-настрого она запретила свершать

на своей могиле языческие тризны, сопряженные с непотребствами, и, к удивлению сродников ее, еще чуждых веры, останки княгини остались нетленными.

Сбереженное священниками и помещенное в храм Господнем тело святой Ольги являло страшное чудо. Когда к ее гробнице подходил человек, лишь по внешности христианин, но по духу беззаконник и нераскаянный грешник, то, припадая к гробнице, он не видел мощей святой Ольги, ибо в гробнице было некое оконце, которое открывалось силой Божией, а не человеческой, если прикасался к ней человек благочестивый, богобоязненный, кающийся в сердце своем.

Мы обязаны святой Ольге и чудным Троицким собором, выстроенным посреди Пскова, в Кремле. Житие благоверной княгини повествует, что на том месте, где в реку Великую впадает река Пскова, она внезапно увидела, как с небес сходят три пресветлых луча, озаряя все вокруг дивным сиянием. Святая Ольга поняла, что Сам Господь дарует ей откровение, заповедуя здесь увековечить и прославить имя Святой Троицы.

И сегодня по мере сил наших мы прославляем святую княгиню, свидетельствуя нашу

к ней сыновнюю и дочернюю любовь, прося
ее молитв о даровании нам благодати Гос-
подней, обильно почивавшей в сердце кня-
гини. Аминь.

24 июля 1998 г.,
в день памяти святой
равноапостольной великой
княгини Ольги

О назначении десницы

В о имя Отца и Сына и Святого Духа. Аминь. Взирая на икону «Троеручица», братья и сестры, мы созерцаем на этом изображении три руки, одна из которых принадлежит конечно же не Матери Божией, но является серебряной подвеской, которая, по желанию святого Иоанна Дамаскина, была укреплена на его келейной Богородичной иконе после дивного чуда, явленного Царицей Небесной над Своим избранником. Оклеветанный в государственном преступлении, измене, а на самом деле, страдавший за правду и за свидетельство Христово, святой иконопочитатель Иоанн Дамаскин, по скорому и несправедливому приговору халифа города Дамаска, подвергается страшной казни – ему отсекается кисть правой руки. И он, как малое дитя, чувствуя смертельную боль, обращается к Пречистой Божией Матери, Которую чтит всей душой, молясь со слезами, в

изнеможении пред иконой, страдая не столько от боли, сколько от скорби, что не сможет уже служить десницей своей делу Божиему. Почтенный многими душевными и духовными дарами, будучи поэтом, богословом, он уже написал к тому времени несколько слов против иконоборческой ереси в защиту иконопочитания, вошедших в догматическую сокровищницу Православной Церкви: в них исповедана вера Церкви в догмат иконопочитания, состоящий в том, что, воздавая честь изображению, написанному на иконе, мы относим ее к первообразу, и непосредственно Сам Господь Бог, дивный во святых Своих, приемлет от нас эту честь, когда мы молимся или лобызаем икону. Матерь Божия являет Свое всемогущество Своему избраннику: в тонком сне Она представит ему и приставляет отрубленную кисть к кровоточащей ране. Только красный шов на кисти впоследствии напоминает святому Иоанну Дамаскину об учиненной над ним расправе.

Ощувив себя здоровым, святой Иоанн изливает свое благодарное сердце во многих и многих дивных песнопениях, канонах, посвященных Матери Божией. Он уже не хо-

чет больше видеть мир, его не интересуется ничто человеческое, он удаляется в Палестину, в обитель преподобного Саввы Освященного, и избирает для себя не собственно келью, в которой живут современные монахи, а некое гробище, отверстие в скале, где чувствует себя так же хорошо, как птица в небесном просторе, как рыба в воде. Никем не стесняемый, не рассеиваемый ничьим присутствием, он молится непрестанно, и десница его, как «трость книжника скорописца»¹⁾, запечатлевает на пергаменте дивные каноны Матери Божией, Пасхальный канон, канон праздника Преображения и многие другие, которые и поныне являются украшением богослужения.

В день празднования иконы «Троеручицы», братья и сестры, нам уместно поразмышлять и о нашей собственной деснице, которую даровал нам Господь. Конечно же не каждый может похвалиться тем, что совершил при жизни Иоанн Дамаскин. Мы не в состоянии писать в защиту Православия, потому что и самого Православия не знаем как должно, лишь мало-помалу, изучая истины нашей веры, мы восполняем то, чего лишены были в детстве. Однако Священное Писание

свидетельствует, что правая рука в жизни каждого христианина имеет весьма и весьма важное значение. Ведь мы с вами именно правой рукой осеняем себя знамением Животворящего Креста Христова. Десницей, или правой рукой, запечатленной печатью миропомазания, мы творим крестное знамение и становимся причастниками благодати Божией. Осенение крестным знамением разрушает все сети вражьи и узы сатанинские. Наша десница страшна для супостата, который трепещет, не в силах будучи взирать на Животворящий Крест Господень. Следовательно, мы не должны нашу правую руку делать повинной в небрежном изображении Креста. С прискорбью скажем, что многие недостаточно внимания уделяют этому священному обряду и, привыкнув сотворять крестное знамение небрежно, согрешают пред Богом.

Святой Иоанн Богослов в книге Откровения созерцал спасенных благодатью Божией, и каждый из них держал в деснице знамение победы наподобие пальмовой ветви — символ Воскресения²⁾. Следовательно, нам должно весьма бережно обращаться с телесными членами, понимая, что не только в

душе, но и в теле, чрез тело, которое является послушным орудием, инструментом души, прославляется Господь. Тело наше предуставлено к вечной жизни, ибо, хотя оно и сойдет в землю, но будет воскрешено силой Божией.

За десницей нашей, как открывает Священное Писание, весьма охотится диавол и видимые его служители, совокупившиеся в силу антихристианскую. Мы знаем, что в конце времен христиане подвергнутся особенному испытанию: никому нельзя будет ни покупать, ни продавать хлеб, кто прежде не согласится, добровольно и сознательно отрекаясь от Бога, поставить на деснице начертание зверя – печать антихриста. Многие сегодня смущаются этим и готовы приписать силу антихристовой печати различным условностям земного мира, проявляя при этом и неразумие, и маловерие. Кто-то готов видеть печать антихриста даже в печатных знаках, которыми ныне штампуются всякий товар, и не вкушает ничего, что можно приобрести в магазинах. Так поступать неразумно, потому что кесарю мы отдаем кесарево, и, держа в руках ту или иную купюру, денежный знак, мы прекрасно сознаем,

что на нем изображены символы, в том числе и не соответствующие истине христианства. Многие символы кесаря действительно являются собою печать мира сего. Однако мы пользуемся этими знаками, этими условностями, ибо никто не подвергает испытанию нашу веру и, продавая нам хлеб или покупая его, не спрашивает нас о наших убеждениях. Понимая, какое отличие носит печать антихриста от многообразных, пусть и не слишком благочестивых символов, проставленных на денежных и прочих знаках, мы остаемся верными Богу и духом, и телом. Блаженная Матрона Московская, мощи которой покоятся ныне в Покровском монастыре в Москве, так говорила о печати антихриста: «Вот будет время, когда нам предложат крест и хлеб и скажут: выбирай, — и мы выберем крест».

Святитель Феофан Затворник, оставивший после себя многотомное и воистину святоотеческое наследие, прикасаясь к которому мы черпаем благодать Святого Духа, между прочим, придавал значение также и тому, что мы пишем, пользуясь правой рукой, запечатлевая слова и предложения на бумаге. Он говорил, что человек духовный и внима-

тельный все, что ни пишет, должен писать аккуратным, красивым и удобопонятным почерком: мы должны уметь и в печатном, письменном слове прославлять Господа и не погрешать против дара Божия, оставляя после себя малоразборчивые каракули.

Священное Писание, говоря о деснице, предлагает нам иносказание. Мы помним, как Спаситель, поставив посреди синагоги сухо-рукого человека, исцелил его правую руку вопреки злобе фарисеев, которые полагали, что в субботу нельзя творить добрые дела: «И стала рука его здорова, как другая»³⁾. «Десница» на языке Священного Писания есть способность каждого из нас к доброделанию – тот дар, в котором мы должны упражняться ежедневно. Горе тому из нас, у кого десница иссохла, то есть тому, кто, проявляя усердие к делам самоволия и самоугодия, бывает ленив и неподвижен, исполнен ропота и пересудов, когда ему нужно делать что-либо по послушанию. А ведь только дела, совершаемые по послушанию и по благословению, являются истинно добрыми.

Священное Писание свидетельствует: «Пусть левая рука твоя не знает, что делает правая»⁴⁾. Лево́й рукой, шуйцей, именуе́т

Писание страсть тщеславия, которая делает неудобными Богу наши даже самые благочестивые по внешности дела. Христианин, таким образом, упражняясь в добродетели, должен в сердце своем призывать имя Господа, а когда получит заслуженную или малозаслуженную похвалу, пусть сразу скажет: «Слава Тебе, Господи», Самому Богу приписывая то, что совершено нашей правой рукой – десницей, то есть соделано с помощью благодати Божией.

В Ветхом Завете обретаем еще одно интересное свидетельство. Некогда иудеи, возвратившись из Вавилонского пленения, получили дозволение отстроить храм Божий, разрушенный Навуходоносором. Время то было тревожное и смутное, соседние племена с окрестных земель постоянно совершали набеги, мешая иудеям заниматься самым святым для них делом храмовоздательства, так что в одной руке они держали плиты и кирпичи, а в другой руке, деснице, – оружие, которым отражали нападения врага.

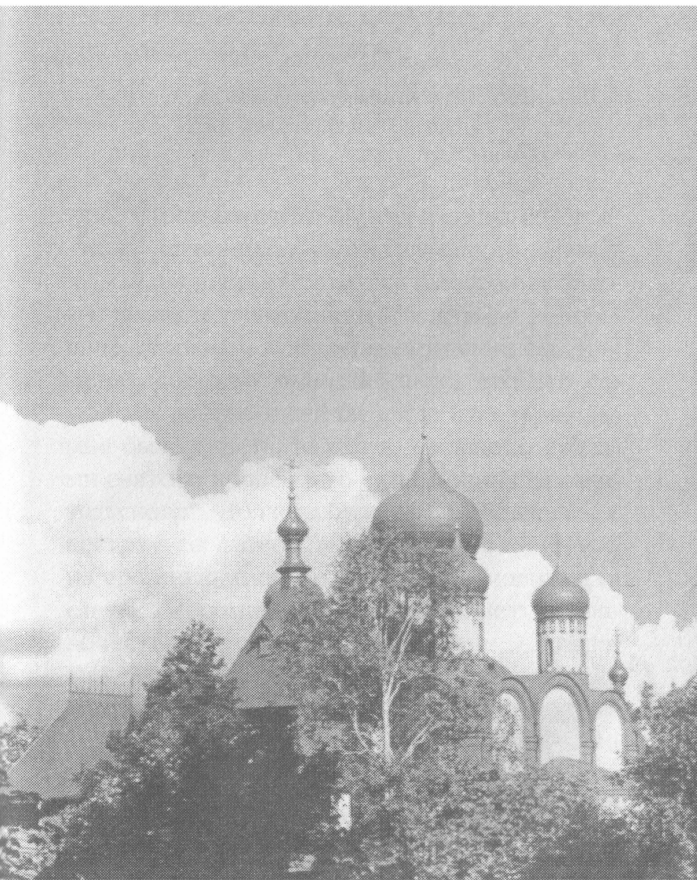
В Новом Завете апостол Павел говорит, что в деснице каждого христианина должен быть обоюдоострый меч, который есть Слово Божие⁵⁾. И, наверное, только тогда мы

способны творить добрые дела, когда держим правой рукой, рукой души нашей, этот обоюдоострый меч – слово Божие. Слово Божие есть молитва ко Христу Спасителю, Который есть предвечное Слово Небесного Отца. Каждому из нас нужно много об этом размышлять и заботиться, чтобы десница наша крепко сжимала в руке это обоюдоострое оружие, потому что даже у благочестивых людей, иные из которых многим пожертвовали, отказавшись от семейных уз, отдав себя в нелицемерное послушание, произнеся и прочие обеты, сей меч оказывается заржавленным, зазубренным, пребывающим в бездействии. Это сказано о тех, кто мало внимания уделяет внутренней молитве, а значит, не в состоянии бывает отгонять от сердца богопротивные помыслы уныния, тщеславия, нечистоты, злой похоти, навеваемые на нас врагом нашего спасения. Священное Писание, таким образом, призывает всех нас воздевать руки наши к Богу без гнева и сомнения⁶⁾, то есть обрести сокрушенную и непрестанную молитву, чтобы не внимать никаким находящим на нас посторонним помыслам. Вот о такой молитве, избавленной от суетных мыслей, говорит царь и пророк Давид: «Да исправится

молитва моя, яко кадило пред Тобою, воздеяние руку моею – жертва вечерняя»⁷⁾.

Будем молиться сегодня, братья и сестры, Пречистой Божией Матери, дабы Она Своей десницей благословила каждого из нас, особенно причастников Тела и Крови Ее Сына, и дабы сухая наша десница была оживотворена Божией благодатью, чтобы отныне мы были бы неподвижны на всякое злое дело, особенно на хищение и заушение ближнего, но чтобы, упражняясь в добрых делах, нисколько при том не тщеславясь, мы за все воздавали хвалу Богу, почитая себя неключимыми рабами, потому что главное доброе дело нашей жизни – это молитва, смиренная, сокрушенная и непрестанная, в отношении которой все мы весьма немощны и несовершенны. Аминь.

25 июля 1998 г.,
в день памяти иконы
Божией Матери «Троеручица»

**Поучения,
обращенные к насельницам и
паломникам Пюхтицкого монастыря**

«Радости мое сердце исполни, Дево»

(беседа о служении христиан
Пресвятой Деве Марии)

Честные отцы, братья и сестры! Сегодня мне матушкой игуменией дарована честь обратиться к сестрам обители, ко всем паломникам и гостям с небольшим духовным словом-размышлением. Для меня особенно знаменательно, что это самое место, где я сейчас стою, где даровано мне было сидеть, вкушать, освящено стопами святого праведного отца Иоанна Кронштадтского*. Должно быть, и он обращался к сестрам со словом послеобеденным. И вот, на его невидимое присутствие и молитвы (а он нас, несомненно, благословляет на благочестивое времяпрепровождение) я надеюсь. Я хотел повести с вами речь о том, как православному христианину, в первую очередь, монашествующему, а во вторую – живущему среди мира, но не по-мирски, спа-

* Беседа проходила в трапезном храме в честь свв. Симеона и Анны Пророчицы, освященном св. прав. Иоанном Кронштадтским.

саться в наше столь многотрудное, столь лукавое и какое-то перекрученное время.

Сегодня, когда мы творим память Преподобного Сергия Радонежского, надлежит сказать о великом утешении, ему дарованном уже на закате его жизни. Вспомним: в вечерние часы, когда Преподобный Сергей, как всегда, благоговейно читал акафист Пречистой Матери Божией, он получил извещение о грядущем посещении его кельи этой Небесной Гостьей – Царицей неба и земли. Вспомним, каких слов он удостоился от Всемирной Игуменнии. Она обратилась к нему ласково и сказала: «Любимиче наш! Скоро будешь с нами».

Легко догадаться, почему преподобный Серафим Саровский так любил Радонежского игумена Сергия. Ведь и преподобному Серафиму дарована была благодать служить Пречистой Деве Марии. Он именовал себя Ее служкой, и не напрасно. Если мы посмотрим на противоположную храму стену трапезной, то увидим этих двух преподобных друзей, которые, хотя во времени были отделены несколькими столетиями, но, несомненно, хорошо друг друга знали и ныне знают, находясь в теснейшем родстве друг с дру-

гом, ибо они объединены не только общей верою во Христа, но и общим служением Пречистой Деве Марии. Многие говорят, что в этом служении Пресвятой Богородице, собственно, и сокрыта тайна русской святости, того неповторимого своеобразия, которое присуще русскому православному христианину, та красота, тот свет и любовь, которые запечатлели наши самые дивные иконы, писанные, скажем, рукой преподобного Андрея-иконописца, память которого мы вчера совершали.

Преподобный Сергей в XIV столетии, а преподобный Серафим – в XIX свидетельствовали, что спасение в Православной Церкви – дело одновременно и трудное и нетрудное, и тяжкое и легкое. Трудность обусловлена нашей падшей природой и необходимостью великих усилий к возрождению этой природы с помощью благодати Божией, а легкость – тем, что нам споспешествует на пути в Небесное Царство дивная Учительница, с Которой не может сравняться ни один земной учитель, наставник и пастырь. Это – Богородица Мария.

Как же научиться служить Божией Матери, как приблизиться к Ней духом, как на-

учиться угождать Ей и чрез то познавать волю Божию? Как чрез Ее руки принимать уроки богословия и благочестия и, следуя за Нею, уже на земле приобщиться благодатному Царству Ее Сына и Бога нашего?

На рубеже XX и XXI столетий с особой силой звучит молитва святого царя Давида: «Спаси мя, Господи, яко оскуде преподобный»¹⁾. Над нами сейчас, как кажется, сбываются слова древнего великого святого Нифонта Цареградского, который говорил, что в предпоследние времена искусных делателей и наставников духовной жизни днем с огнем не сыскать будет. Говорил он и о том, что предстоятели будут либо грубы, либо юны возрастом и неискусны в жизни духовной, что сребролюбие и чревоугодие станут полновесными владыками над сердцами человеческими, что не видно будет явных чудес, а те «целители» и «чудотворцы», кто себе усвоит эти дары, по большей части окажутся пустозвонами, обманщиками, лукавыми делателями, почему в святом Откровении Божия благодать зовет Жену Церковь в пустыню. Действительно, в духовном отношении мы находимся ныне в мире, как в пустыне. От нас требуется много ума, рассудительности,

великой решимости, дабы обрести эту золотую нить спасения, найти царский путь богоугождения и, обретя этот путь, шествовать по нему. Не так, чтобы лишь начать, а потом остановиться или почти пройти до конца и там снова остановиться. Нет, нужно, не уклоняясь ни ошуюю, ни одесную, ни направо, ни налево, переплыть это море житейское, соль которого лижет нам пятки, по откровению Святых Отцов. Если в древности это море подвижники перелетали на огненных крыльях решимости, то сейчас соленые воды моря житейского подмачивают наши ризы, солят наши пятки, так что с великими бедами и трудами только и можно достигнуть противоположного берега.

Сегодня мне хотелось бы, с Божией помощью, поговорить с вами о служении Пречистой Деве Марии и о том, какие преимущества в деле спасения дает истинное предстояние Божией Матери в духе молчания, молитвы, благоговения и смирения. Кажется, что всякому христианину, а наипаче монашествующему, – тому, кто и от земных родителей отошел, по слову Писания: «...отец мой и мати моя остависта мя, Господь же восприят мя»²⁾, – нужно больше размышлять

о Божией Матери, самый образ Которой, напечатленный верой в душе человека, есть великое утешение всякому подвижнику, потому что в отличие от земных родителей Она всегда пребывает с нами, созерцая в чистом зеркале боговедения нашу душу. От Нее не укроется ни единый помысел, ни единое намерение, зарождающееся в глубине нашего сердца. Ей открыта самая наша будущность. Мать Божия знает нас лучше нас самих. А удостоверяемся мы в том из слов Писания: «...Тебе Самой оружие пройдет душу, – да откроются помышления многих сердец»³⁾. Мать Божия никогда не спускает с нас взора, а посему человек, духом отделившийся от Нее или поведением своим Ее оскорбляющий и огорчающий, поистине и окаянный, и безрассудный, что в славянском переводе Евангелия передается одним словом – «юродивый». Но не блаженный, а тот, кто сам от этого блаженства – служения Пресвятой Богородице – себя отдалил.

Пречистая Дева, если кратко сказать о Ее нравственном величии, деятельно осуществила Евангелие в Своей жизни и посему является неподражаемым образцом для подражания. Когда размышляешь о Божией Матери

или смотришь на Ее икону, осознаешь: Она есть воплощенная чистота, Она есть воплощенная любовь, Она есть воплощенная красота. Всмотревшись повнимательнее в образ Божией Матери, замечаешь на Ее омофоре три блистающие звезды: одна на челе, а две другие – на пречистых Ее плечах. Владыка Серафим Звездинский, искренний почитатель Богородицы и несравненный проповедник, говорил, что всякая разумная душа христианская, прежде всего, душа, избравшая путь монашества, смотря на эти звезды, должна уразуметь тайну, ибо эти три звезды суть три золотых монеты, на которые христианин во времена предпоследние должен купить у Матери Божией келью для собственного спасения. И всякая душа, особенно монашествующая, призвана уразуметь тайну этих золотых монет, которые Пречистая, взяв из наших рук, словно полагает на пречистый Свой омофор.

Взирая на звезду, сияющую на челе Матери Божией, освещающую Ее разум (а ведь Она есть Палата премудрости), мы понимаем, что первая золотая монета, первый динарий, который мы полагаем к стопам Пречистой Божией Матери, – это истинное пра-

вославное мировоззрение, чистейшая, святейшая наша вера, которую мы усваиваем от Христа чрез апостолов, которая просвещает наш ум, просвещает наше сердце и делает нас способными воспринять Божественную благодать. Между верой и нравственной жизнью существует теснейшая связь. Погресишь в вере, в малом чем-то, – и лишишься возможности нравственного преуспевания. Привнесешь в область истины единую мысль зловерную – и лукавый дух, присущий еретическим мудрованиям, тотчас войдет в твое сердце и отравит все подвиги благочестия. Вот почему мы, православные христиане, никогда не должны на гнутые медяки заблуждений разменивать чистейшее золото Православия. Особенно в наше время должно радеть о чистоте веры, потому что, к сожалению, ныне, как говорит святой Василий Великий, вино смешивается с водою. Сегодня, по выражению одного московского пастыря, великое чудо – встретить православного человека, который бы носил в сердце своем катехизис митрополита Филарета Московского: слишком сильно враг лютует против чистоты веры, уж очень он изобретателен в этом отношении. И по совету еписко-

па Феофана Затворника, каждому христианину, мирянину или монашествующему, должно чаще обращаться к этому катехизису, в вопросах и ответах содержащему исповедание нашей православной веры, дабы удостовериться, что ни единая ложная мысль о Боге, о человеке, о мире, о цели человеческой жизни не привзошла в наше сознание.

Но есть еще и другие две звезды на плечах Матери Божией. На правом плече сияет звезда, которую мы можем назвать чистотою. А на левом плече – звезда, которая может быть названа любовью. Действительно, мало иметь веру правую, должно заботиться и о чистоте сосуда, в котором эта вера пребывает. Дьявол много лютует против христианина, дабы этот сосуд – нашу душу – осквернить нечистыми помыслами, недостойными ощущениями, зазорными воспоминаниями, помрачить наш дух через общение с людьми, которые не научились беречь собственную совесть, чтобы поколебать самое основание, на котором мы стоим. Вот почему так важно молиться Пречистой Деве Марии. Ведь, по выражению земного мудреца Паскаля, в сообщающихся сосудах уровень жидкости совершенно одинаковый. И в миру мы гово-

рим: с кем поведешься, от того и наберешься. Посему христианину должно много радовать о том, чтобы, молитвенно обращаясь к Деве, мало-помалу сродниться с Нею духом.

А какова была чистота Матери Божией? Мы знаем, что Она и единой мыслью не погрешила против заповедей Господних. Божия Матерь с детских лет беседовала с Богом и восходила от меры в меру нравственного совершенства. Подумать только! Ее окружали кощунственно настроенные люди: фарисеи, саддукеи, книжники, солдаты римские. Жила Она в том самом шумном Иерусалиме, который и сейчас является очагом напряженности. Находясь среди людской толчеи, чувствуя, что внимание людей постоянно обращено к общине апостольской, к Ее Сыну, Она умела неисходно пребывать в келье Своего сердца. Помыслы, врагом наносимые, должно быть, к Ней приближались, но Она настолько умом и сердцем укоренена была в Боге, что вся эта нечистота – из уст ли человеческих она исходила или диаволом была приносима – даже не смела к Ней прикоснуться. Более того, в присутствии Матери Божией смолкали все праздные, тем паче грубые, низкие, недостойные речи.

Сохранились древние документы, свидетельствующие о том, какой след в сердцах современников оставила Пречистая Дева. Так, один из них, впоследствии епископ Афин, – Дионисий, член ареопага, обращенный проповедью апостола Павла ко Христу и ставший его учеником, удостоился собеседования с Пресвятой Богородицей. Запись этой беседы на латинском языке сохранилась и находится в одной из Ватиканских библиотек. Дионисий пишет апостолу Павлу, что когда он вошел в высокое присутствие Девы, то его дух был осиян божественным незримым светом, источником которого была Сама Матерь Божия, и его сердце ощутило то, что невозможно описать земным языком. Очевидно, что встреча с Богоматерью настолько его изменила, что он всецело обратил сердце свое к Небу. Плоды этой встречи, быть может, суть книги Дионисия Ареопагита, – высокие по содержанию, доступные лишь просвещенным умам, по ним мы можем заключить, что этот человек умом был более на небе, чем на земле.

Но кто-нибудь скажет: да, безусловно, великие мужи древности достойны были всего того, что мы говорим о них. Но как мы, греш-

ные, можем рассуждать о столь высоких предметах? Вот об этом я и хочу сказать несколько подробнее.

Когда православный христианин, монах или мирянин, молится Матери Божией со вниманием, соборно или келейно, то правильная молитва, исходящая от сердца сокрушенного и смиренного, имеет способность изменять человека, его умственные и эмоциональные силы, устройство его души. Если Матерь Божия Своим перстом прикасается к сердцу человека, то он усваивает хотя бы малую часть Ее добродетелей. Христианин, молящийся Пречистой Деве, прежде всего познает, какое сокровище – Ее кротость, Ее безгневие, Ее милосердие и снисхождение. Святые Отцы говорят нам, что Пречистая Дева Мария каждому воздавала подобающую честь: со старцами была почтительна, с юношами назидательна, детей уцеломудривала – словом, каждому могла дать то, чего ожидало сердце пришедшего к Ней. Никто не может представить себе (да и это было бы грешно), чтобы Матерь Божия когда-нибудь раздражилась, оскорбилась, потеряла бы священную тишину, мир и покой сердца, соделавшие Ее оплотом апостольской общины.

Многие сегодня жалуются священникам: «Батюшка, нет у нас никакой любви, а если и бывает любовь, то только по внешности, а в глубине души мы ощущаем огнедышащую Этну, чувствуем, как из наших уст, словно из жерла вулкана, едва лишь только против шерсти кто нас погладит, начнет исходить лава недоброжелательства, осуждения, не дай Бог, злословия, пересудов. Едва лишь только не увидим мы к себе знаков внимания, как начинаем внутренне смущаться, скорбеть, дух наш помрачается – словом, не спасаемся мы, а погибаем». А другой скажет, что томительно для него одиночество, не ощущает он радости от общения с ближними, но по временам дух его тужит, и словно сумерки опускаются на душу.

Думаю, что по человеческой немощи каждому из нас приходилось и приходится и, может быть, придется еще испытывать подобные искушения. Но вопрос: поддаваться ли этим искушениям, подавляться ли ими? Или подобно некоей птице, с волны на волну переплывать, оставаясь на поверхности, видя пред собою свет Божий? Если мы веруем в то, что Божия Матерь ведет нас по пути спасения, то едва лишь первый тревожный сиг-

нал раздастся в нашей совести, едва лишь мы ощутим первое обуревание, смущение от упомянутых помыслов, как душа должна почувствовать себя малым ребенком, дитятею, несмышленищем, а еще лучше – птенцом, который, может быть, и молиться-то не умеет, а только пищит Отцу Небесному, выражая свою беспомощность, а вместе и надеясь на помощь Господню. Не случайно преподобный Исаак Сирин представлял себя червем пред Престолом величества Божия и говорил, что лишь младенческий лепет угоден и приятен Богу.

И сколько жизнь дает нам благих оснований и уроков для того, чтобы так научиться молиться Божией Матерью! Для того ведь и составлены церковные последования, каноны, акафисты, молитвословия, чтобы вдохнуть в наше сердце ту простоту, то незлобие, то сокрушение духа, из среды которых и рождается самостоятельная молитва – молитва, подобная дыханию, молитва, сопresentствующая человеку, молитва, которая может и не быть выражена словами, но явлена она бывает в предстоянии Богу: «Матерь Божия, помоги, спаси, настави. Матерь Божия, огради! Не хочу, не принимаю этого помысла,

этого расположения. Ты, Владычица, спаси, Пречистая!»

Могут ли какие труды внешние или суета отвлечь нас от такой молитвы? Косит сестра траву или ухаживает за цветами, находится на самом трудном послушании – в гостинице, например, где все ее беспрестанно дергают, чего-то от нее требуют: этот – чашки, этот – плошки, этот – картошки, может ли вся эта суета лишить нас возможности духом призывать Пречистую Деву Марию? Нет, все во власти нашего произволения: кто хочет суетиться, будет суетиться и находясь в уединении; кто хочет духом предстоять Божией Матери, служить Ей, всегда будет ощущать себя в Царских чертогах. Замечено: внимательные души, усердные, никогда не ощущают себя в монастыре на периферии. Находится ли душа на покосе, на скотном дворе или еще где – она всегда на послушании у Божией Матери, она всегда зрит пред собою Ее – Небесную Царицу и с благоговением принимает от Нее уроки. Напротив, человек невнимательный не получит пользы даже от послушания в храме, но примет сугубое осуждение, если сам не станет храмом внутренней молитвы.

Скажут: все это слушать сладко, во все это верится, конечно, но если бы вы, батюшка, знали действительное состояние нашего сердца! Наше сердце – это такой омут, в котором ангел ногу сломит. Там столько страстей завязано в гордиев узел, что сам Александр Македонский не разрубит его мечом! Да, действительно, если темное царство где и находится, то внутри нас, равно как и Царство Небесное. Но Отцы Святые учат, как бороться с этим окамененным нечувствием: поставь себя пред Царицей Небесной; научись у преподобного Серафима падать к Ее пречистым стопочкам; превратись хотя бы на две минуты в единый луч той молитвы, которую лучше назвать мольбою и плачем; научись от сердца к Ней взывать. Была бы любовь к Божией Матери – а слова найдутся: «Матерь Божия, воззри на мое сердце, посмотри, сколько в нем неизжитых страстей: царствуют в моей душе пристрастия, мучают меня самолюбие, зависть и раздражительность, недоброжелательство и лукавство – уже смержу, погребенная под этими страстями. Но, Пречистая, не отвергни, не погнушайся, не оттолкни! Тебе открываю язвы души моей».

И непонятно, что это – молитва или собеседование? Это и есть самый детский лепет пред Богом, который угоднее Ему превыспренних

молитвословий, часто не одушевляемых нашим вниманием. «Сама, Пречистая, – молит искренняя христианская душа, – коснись перстом незаживающей язвы души моей! Ты Единая можешь изгнать из сердца моего этих змей: объядения, дерзости, гордости, злословия, нечистоты. Прижги, Пречистая, каленым железом эти язвы, да послужу Тебе в целомудрии, в святине и в благоговении!»

Оказывается, что когда мы со вниманием будем исповедоваться Божией Матери, как бы приглашая Ее заглянуть в недра нашей души (Она Единая не ужаснется, Она Единая не отвергнет нас), то слова сами собой начнут изливаться из нашего сердца. И можно быть уверенным, что никакое послушание, никакие труды не воспрепятствуют нам так молиться, но, напротив, лишь помогут нам в этом. Чувствует душа телесное изнеможение – ей нужно с плачем взывать к Божией Матери. Чувствует она, что окружающие ей не дают молиться, – а Мать Божия внемлет.

Итак, христианин должен уметь самое неблагоприятное обстоятельство обращать на пользу молитвенной жизни. Подмечено: тот, кто недоволен своим местом и своим послушанием и ждет у моря погоды, говоря: «Я вот сейчас работаю в башмачной мастерской, заколачиваю гвозди в

ботинки – ну, какая тут молитва? Лет через пять переведут меня в цветник или хоть в парник, буду смотреть, как зреют помидоры, – вот там и помолюсь», – таковой может не дожидаться этого времени и услышит собственное отпевание, когда уже поздно будет стяжевать дух молитвы. Напротив, преодолевать препятствия и всем смертям назло приобретать молитвенный дух – вот подлинное послушание. Тут уж Сам Господь усмотрит вас и из грязи переведет в князи, потому что в монастыре действительно, верим, ничего не бывает случайного, ничего не бывает по человеческому лишь произволению. Конечно, начальствующие – матушка игуменья, священнослужители – не застрахованы от ошибок, но, как знает всякая разумная насельница, Сама Божия Матерь сильна все поправить и обратить к благим последствиям для боголюбивых душ.

А теперь, братия и сестры, перенесемся мысленно в ту апостольскую общину, основой и душою которой была Матерь Божия. После Вознесения Спасителя на Елеоне Матерь Божия соделалась общей Матерью для двенадцати, а потом и семидесяти апостолов, которые прибегали к Ней, прося Ее совета и вразумления. И Матерь Божия наставляла более делами, чем словами. Ничто не могло поколебать Ее духа: ни угрозы синедрио-

на, дышащего неистовой ненавистью, ни страх близкой войны, ни постоянная напряженность в Иерусалиме – ничто не лишало Божию Матерь спокойствия. И как Она была спокойна, так и ученики Христовы оставались в мире.

Мы живем в мире, в котором меньше всего спокойствия. Подумать только: как за последние годы изменилась Вселенная! Рухнули земные устои, в непоколебимость которых верили миллионы неверующих. Перекраивается, как тришкин кафтан, политическая карта мира. Вчера молились за одни власти, сегодня молимся за другие, Бог знает, кто придет им на смену. Однако же обитель Пюхтицкая стоит, ибо нами правят, слава Богу, не президенты, не госсекретари, не иные какие политические силы, но Сама Матерь Божия. В это нужно твердо верить, как и в обетования, которые Господь, по милости Своей, дарует всем усердным монашествующим. А у нас есть обетование, что Пюхтицкий монастырь будет стоять до Второго Пришествия. Это ли для нас не источник величайшего утешения и нравственных сил?

«Велик Бог, но сам не будь плох». «На Бога надейся – сам же не плошай». Дьявол, зная, что в мире находятся такие оазисы Православия, которых вечная смерть не одолеет, однако же не оставляет усилий посеять плевелы в умы и сердца

тех, кто получил от Бога милость жить в этих благословенных местах. Господь говорит: «... создам Церковь Мою, и врата ада не одолеют ее»⁴⁾. Означает ли это, что в ней не будет колебаний? Конечно же нет, посему и Христос апостолу Петру поведал: «Се сатана просил, чтобы сеять вас как пшеницу»⁵⁾. Преподобный Макарий Великий добавляет, что весь мир представляет собой некое сито, а семечки в этом сите – души человеческие. Князь мира сего, миродержец, в когтистых лапах держит это сито и трясет его, дабы семечки, провалившись, низверглись в преисподнюю. Но Божия благодать не позволяет и удерживает их, иные же семечки восхищает в Царство Небесное. Такое трясение ощущают и живущие в миру, и монашествующие.

От паломника, на три-четыре дня попавшего в этот земной рай, многое сокрыто. Наверное, ни на кого Матерь Божия столько благодати не изливает, в видимых и невидимых средствах, как на паломника. Но одно дело человек паломничающий, а другое дело труждающийся. Ему и больше обетований, ему и больше искушений. Поэтому весьма важно нам помнить о единстве апостольской общины. Подумаем, после сошествия Святого Духа на апостолов были ли у них какие фракции и партии? Объединялся ли Иоанн

Богослов со своим братом Иаковом Зеведеевым против Петра-апостола и его брата Андрея Первозванного? Составил ли какую особую группу Матфей-мытарь и его брат Иаков Алфеев против Фомы и Варфоломея? Нет конечно, все земное, мирское стало для них незначительным. Главное у святых апостолов и у их последователей – единство духа.

Многие, размышляя о тайне христианского жительства, да и вообще о единстве христиан, говорят, что антихрист не сможет одолеть только тех, кто соблюдет в чистоте веру и любовь, именующую царицей добродетелей. Любовь потому и называют царицей добродетелей, что, войдя в человеческую душу, она заквашивает всю семью, приход или монашескую общину.

Какие же свойства и плоды имеет любовь? Ты болен, а другой здоров – любовь Христова так делает, что здоровье другого вменяется больному, а немощь болящего усваивается здоровым. Одна сестра день-деньской молится в храме, а другая работает на таком послушании, где ее никто не заменит. Молитвы одной сестры вменяются той, что работает, а труды последней суть трудовые мозоли на руках поющей в храме. Кто-то спит, а кто-то бодрствует. Господь возлюбленным Своим дает сон⁶⁾, а другим за бодрствова-

ние очищает внутреннее око. Происходит духовное перераспределение: трапезная делится со швейной, скотный двор приносит молоко и сливки в игуменскую, а игумения ласковым словом одаряет того, кто уже совсем поник и завял, словно роза, сорванная с грядки, – и всюду любовь, и во всем любовь. Святой апостол Павел неустанно взывает: «Все у вас да будет с любовью»⁷⁾. И в другом месте: «Будьте братолюбивы друг ко другу с нежностью; в почтительности друг друга предупреждайте»⁸⁾.

Очень легко бывает определить тех, кто близок к Божией Матери, потому что кто действительно находится под пречистым омофором Матери Божией, кто касается трепетными перстами подола Ее нетленного хитона, таковой понимает то, о чем и рассказывать-то не нужно, то есть сохраняет в своем сердце любовь. И никакие коловращения, никакие сложности, никакая греховность натуры не препятствуют ему являть эту возвышенную, благородную добродетель.

18 июля 1998 г.

Архангельское приветствие

(размышление

о словах молитвы

«Богородице Дево, радуйся...»)

Среди множества икон, братья и сестры, иконы Пресвятой Богородицы возвещают нам преимущественно радость милости Божией. Когда мы смотрим на икону Господа Вседержителя, то душа проникается благоговейным страхом, ощущая неприступную святость и силу Божества. Взирая на иконы Небесных Сил, Архистратига Божиего Михаила, мы уstraшаемся Судам Божиим, постигая, что всякий грех и нечистота Божией правдой будут непременно опознаны и наказаны. Глядя же на иконы Пречистой Богородицы, мы невольно умиляемся, радуемся, ободряемся надеждой христианской.

Среди различных молитв, которые нам предлагает Мать Церковь для всегдашнего употребления и освящения, есть одна молитва, составленная из евангельских слов, о которой, быть может, прикровенно говорил Христос Спаситель Своим ученикам: «...Я уви-

жу вас опять, и возрадуется сердце ваше, и радости вашей никто не отнимет у вас»¹⁾. Возможно, об этой молитве свидетельствовал Господь, говоря, что о едином грешнике кающемся радость на небесах бóльшая, чем о многих и многих мнимых праведниках, не имеющих нужды в покаянии²⁾. Эта молитва именуется Церковью Архангельским приветствием, ибо составлена она частично из слов Архангела, вошедшего в тот чертог в Назарете, где обитала Дева Мария, и частично из слов праведной Елисаветы, встретившей в горнем селении Матерь Господа и ублажившей Ее. Молитва эта всем нам хорошо известна с детства, хотя не все мы проникли духом в ее тайну. Может быть, о ней сказано Господом в притче, повествующей о купце, ищущем хороших жемчужин. Найдя одну драгоценную жемчужину, он оставляет другие и приобретает сокровище, пряча его на сердце³⁾. И подлинно, молитва церковная есть бесценная жемчужина. Вот о такой молитве мы с вами сегодня кратко побеседуем, прося у Самой Матери Божией благословения и назидания.

Приметим, что большинство молитв пробуждает в христианине покаянные чувства, указывая ему на его недостойнства, ущерб-

ность, а затем уже свидетельствуя о Божественных совершенствах. Но когда мы приступаем к Царице неба и земли, отверзая наши уста, чтобы вслед за Архангелом приветствовать Ее, мы не произносим никаких покаянных слов. Видимо, это происходит потому, что приступить к Матери Божией, обратиться к Ней не может человек прежде неочистившийся, непокаявшийся, не сменивший рубище греховное на брачные, чистые, праздничные одежды Божией благодати. Настолько совершенна и прекрасна Пречистая Дева, что человек с грязной душой и злобными помыслами и не смеет поднять на Нее взор, но, гонимый неким страхом, он бежит во тьму, лишь бы не созерцать пресветлого лика Богородицы. И напротив, чадо Церкви, всегда осуждающее себя, кающееся и скоро принимающее от Господа милость, ощущая в своем сердце дерзновение, радование, взыграние духа, приходит к Божией Матери, как малое дитя приходит к родителям, и открывает Ей душу до последней глубины, от избытка сердца говоря: *«Богородице Дево, радуйся, Благодатная Марие, Господь с Тобою; благословенна Ты в женах и благословен Плод чрева Твоего, яко Спаса родила еси душ наших».*

Мы обращаемся к Матери Божией со словом «*радуйся*», с тем самым словом, которым благовествовал Ей Архангел Гавриил дивную тайну – рождение от Нее нашего Икупителя. А значит, каждый из нас, приближаясь к Матери Божией, по душе должен уподобиться небесному Ангелу, исполненному одной решимости – исполнять Закон Господень, который начертан золотыми буквами в его сердце. Ангелы быстродвижны, легкокрылы, чужды всякой лености, дебелости, ибо они употребляют все свои силы, чтобы Божию волю исполнить во всем совершенстве. Стало быть, и мы, приступая к Царице Небесной, прежде должны в душе своей восставить решимость исполнить все, что Она нам скажет, совершенно вверяя себя Ей, дабы в сердце нашем не было ни косности, ни противления, ни ропота, но одна готовность, одна решимость, одно желание исполнить волю Божию, святую, благую и совершенную.

Произнося «*радуйся*», мы исполняем то, что о Себе Самой прорекла Дева Мария: «Величит душа Моя Господа, и возрадовася дух Мой о Бозе Спасе Моем: яко призре на смирение рабы Своея: се бо отныне ублажат Мя вси роди: яко сотвори Мне величие Сильный, и

свято имя Его: и милость Его в роды родов боящимся Его»⁴⁾. И точно, Матерь Божия от всех принимает убожение: и от детей, и от старцев, и от священников, и от монахов, и от простецов, и от мудрецов, — поистине, от всех родов, племен и народов.

Мы обращаемся к Ней со словами «*Богородице Дево*», именуя великую тайну, которую в существе своем познать, а тем паче изъяснить, мы не можем. Нам остается только с благоговением веровать в эту тайну, состоящую в том, что Дева стала Матерью, не нарушив печати девства. Именуя Ее Девой, мы помышляем о том, что высший подвиг, высший дар, который может человечество принести Господу, — это посвятить Ему от юности чистоту душевную и телесную. Даже если кто не сохранил этой чистоты, но через покаяние был восставлен, принят Господом, пусть он уразумеет, произнося эти слова, необходимость более всего радеть о сердечном целомудрии, заботясь о сохранении кельи души своей, чтобы не проник в эту келью, в эту тихую обитель, в глубине которой молится душа Богу, ни единый грязный помысел, никакое безобразное видение, никакое дурное воспоминание. И действи-

тельно, по мысли святителя Филарета Московского, Бог учредил брак, дабы явился человек на земле, но Бог учредил и девство, дабы явился на земле Богочеловек. По учению Православной Церкви, девство есть состояние вышеестественное, сохранить которое не может никто, если не получит в награду за свое произволение поддержку свыше, если не будет укреплен силой благодати Господней. Преподобный Серафим свидетельствовал насельницам Дивеевской обители, что девы преимущественно предстоят Матери Божией, являются Ее небесными фрейлинами, духом служат Ей непрестанно, вместе с Ангелами выполняют на земле Ее поручения. Итак, независимо оттого, в каком чине спасается человек, в мирском, семейном или монашеском, душа наша призвана позаимствовать у Божией Матери начатки той чистоты, того целомудрия, той святости, которые соделывают наше сердце жертвенником, так что с этого жертвенника принимает Господь, как благоуханный фимиам, молитвы, возносящиеся к Престолу Божию.

«*Благодатная Марие*», – затем обращаемся к Пречистой, именуя Ее всесвятое имя, слы-

ша которое, небесные Ангелы благоговеют и собираются там, где возносится и величается имя Девы. Слыша это имя, падшие духи бежат врассыпную, потому что они не могут сражаться с Царицей неба и земли, Богородицей, «яко гром, враги устрашающей»⁵¹). Это имя умягчает сердца даже закоренелых в грехах людей, это имя проливает в отчаявшиеся души надежду, это имя помогает человеку расслабленному укрепить колена, распрямить плечи, ибо с ним сопряжена благодать Матери Божией, благодать, которая тотчас, едва лишь мы призываем ее, немощное врачует и оскудевающее восполняет.

«Благодатная Марие, Господь с Тобою...» Именно в том заключается радость Пречистой Матери Божией, что Господь пребывал с Нею существенно, во всей полноте почивал, как на престоле, в Ее Материнской, Девичьей утробе. Ныне, предстоя Престолу Святыя Троицы, Пречистая Дева имеет совершенное ведение, Ей открыты сердечные тайны каждого из нас. Ни единый наш помысел, ни единое слово, сходящее с уст, не могут укрыться от Ее взора. Мать Божия проникает глубины наших сердец, Ей открыто в Боге грядущее, Она зрит судьбы наши и посему явля-

ется совершенной Водительницей в Царство Небесное каждой доверившейся Ей христианской души.

Когда мы говорим: *«Господь с Тобою»*, то исповедуем еще и тайну вседеприсутствия Пречистой Богородицы. Нет такого уголка на земле, куда бы не простиралась Ее царственная десница. И на море, и в воздухе, и на земле, и под землею, в расселинах, в ущельях, в лесах, в уединенных местах, в шумных городах, где бы ни обретались чада Церкви, где бы ни призывали имя Матери Божией, везде Она таинственно присутствует. Преимущественное же место Ее пребывания – это храм Господень, ибо во время Божественной Литургии, когда мы со страхом и трепетом приемлем Пречистое Тело и Кровь Спасителя, Она Сама осеняет Своим материнским благословением каждого из благоговейных причастников.

Говоря *«Господь с Тобою»*, мы призваны совершенно вверить себя Богородице, умалиться пред Нею, как дети, которые только тогда себя хорошо чувствуют, когда крепко ручонками держатся за подол одежд матери, ощущая от нее полную зависимость и не решаясь без позволения родительницы сво-

ей ни сказать, ни сделать что-либо. И тот из христиан, кто постарался приобрести подобное самочувствие, кто с такой искренностью и убежденностью исповедует совершенства Пречистой Девы Марии, бывает всегда зрим Ею, поддерживаем и окрыляем, ибо Матерь Божия никогда не оставляет детей Своих сирыми.

Наконец, произносим в молитве слова «*яко Спаса родила еси душ наших*». И действительно, на руках Пречистой Девы Марии – Спас мира, Господь. Матерь Божия предносит пред нашими очами Богомладенца, желая, чтобы мы приняли Его не только на руки, как благоговейный старец Симеон, но и в самое сердце наше. Спас мира, Христос, есть Хлеб Небесный, Который даруется нам, ходатайством Матери Божией, в Божественной Евхаристии. Причащаясь Пречистого Тела и Крови Господа, мы становимся сотелесниками Христа: Его Божественное Тело, Его Драгоценнейшая Кровь смешиваются с нашим телом и нашей кровью, Его Непорочная Душа непостижимо соединяется с нашей душой, Его Пречистый Дух освящает наш дух, более того, мы становимся причастниками Божества Его, по слову Спасителя: «Ядущий Мою

Плоть и пьющий Мою Кровь пребывает во Мне, и Я в нем»⁶⁾. Стало быть, нося Христа в своих персях, мы становимся сродниками Пречистой Матери Божией, и по телу, и по духу. Она вступает с нами в те родственные отношения, подобных которым нет и не может быть на земле. Говоря: *«Спаса родила еси душ наших»*, мы исповедуем себя воистину детьми Матери Божией, плоть от плоти и кость от кости Ее, но более всего свидетельствуем о нашем родстве в духе, а значит, мы всегда должны обращать к Ней наш внутренний взор, всегда молить Ее, всегда призывать на помощь Ее имя.

Вот сколько тайн сокрыто в этой молитве «Богородице Дево, радуйся...», сколько в ней возвышеннейшего богословия! Церковь конечно же не могла упустить из виду эту молитву и еще с апостольских времен заповедала христианам благоговейно прибегать к Божией Матери с Архангельским приветствием. В раннем средневековье некоему подвижнику явилась Пресвятая Богородица и открыла истину величайшей важности, засвидетельствовав, что если чада Церкви будут со вниманием и сокрушением сердца повторять 150-кратное Архангельское приветствие, то Матерь Божия в награду за их боголюбие, за стремление угождать Ей, Пречистой, будет всегда пещься о

них, а сердце такого молитвенника будет Ее уделом, Ее жребием на земле. С тех пор во всех Православных церквях, во всех частях Вселенной, в пустынях и в городах, находились те, кто по-детски восприняли это обетование Божией Матери. Для маловерных чад XIX – XXI столетий эту истину подтвердил преподобный Серафим Саровский. Он, служка Матери Божией, вновь во всеуслышание сказал, что призывание Матери Божией Архангельским приветствием, 150-кратное на дню обращение к Ней со словами «Богородице Дево, радуйся...» является драгоценным духовным делом, награда за которое – покров Пречистой Божией Матери и защита христианина от темной силы при исходе там, за гробом. Не всем, быть может, удастся сразу исполнить это правило, и, конечно, Мать Божия не будет считать молитвы (смысл нашего делания, безусловно, заключается не в количестве произнесенных молитв). Иное дитя, быть может, три раза – утром, днем и вечером – помолится этой молитвой, но плод будет иметь, как схимник, ибо молится всем сердцем, всем умом, всем помышлением. Кто-то, обремененный семьей, заботами, послушаниями, может быть, десять раз будет молиться этой молитвой на дню, кому-то удастся пять десятков раз произнести эту молитву, ну а иные души произнесут без

труда пятнадцать десятков и почувствуют, что и этого для них недостаточно. Главное, конечно, в самом уповании, в самой отдаче себя Пречистой Деве Марии.

Хочется вспомнить сегодня замечательного подвижника Русской Православной Церкви – священномученика епископа Серафима Звездинского, Дмитровского архиерея, который был расстрелян в 1937 году в далеком Ишиме, в Сибири*. Этот дивный проповедник с детства чтит преподобного Серафима Саровского. Его отец, протоиерей Иоанн Звездинский, был составителем акафиста преподобному Серафиму и весьма радел о прославлении Угодника, которое и последовало в 1903 году. Имея благочестивого сына Николая, протоиерей Иоанн внушил ему с нежных лет благоговение пред тогда еще не прославленным старцем Серафимом Саровским. Как-то мальчик разболелся: поднялся жар, доктора даже не могли определить причины болезни, разводили руками и, наконец, произнесли смертный приговор. Надежд у несчастного отца-вдовца уже не оставалось. Тогда он вспомнил о преподобном Серафиме, нашел его изображение, не иконописное, а небольшой

* Еп. Серафим (Звездинский) причислен к лику святых на Архиерейском Соборе Русской Православной Церкви 13–16 августа 2000 г. Его память – 13 августа (по ст. ст.).

прижизненный портрет, и возложил на грудь сыну, который от жара готов был уже испустить дух. Свершилось чудо. За несколько минут произошел перелом в болезни: жар спал, горячка прошла, и мальчик встал живым и невредимым, навеки полюбив преподобного Серафима. Впоследствии, в постриге, он принял его имя.

Святитель Серафим Звездинский, восприняв епископскую благодать, ежедневно совершал Богородичное правило, заповедуя его своим многочисленным духовным детям, многие из которых следовали за своим архиереем и в тюрьму, и в ссылку, почитая за драгоценность каждый взор владыки, чрез тюремное окошко брошенный, каждую строчку, написанную его рукой. Уже находясь в далекой ссылке, епископ Серафим писал духовным чадам: «Веруйте, дети мои во Христе, что Матерь Божия творит с нами чудеса, если мы неленостно и усердно на дню многократно обращаемся к Ней с Архангельским приветствием». «Нет, – говорил он, – такой просьбы, даже земной, житейской, которую Матерь Божия во славу Своего Сына не исполнила бы, если мы ежедневно 150-кратно молимся Ей: «Богородице Дево, радуйся...». Посреди лишений, изгнаний, в тифозных бараках, где вся одежда была покрыта вшами, недоедая, страдая то от жары, то от мо-

роза, владыка молился Божией Матери и ощущал себя находящимся в преддверии рая.

Особенно эта молитва возгоралась в нем на лоне природы. Русский народ всегда прозревал в красоте наших полей, лесов, лугов незримое присутствие Девы Марии. Так, река Угра, опоясывающая Московское княжество, в свое время была названа «поясом Богородицы». Через этот пояс не посмела переступить вражья сила: татары отступили от Москвы тогда, когда москвичи коленопреклоненно молились пред Владимирской иконой Божией Матери. И в мороз, когда на окнах появляются затейливые рисунки, наш народ с воодушевлением отмечает, что это «узорочья Богородицы», Сама Мать Божия на радость православным так украшает наши жилища. А на праздник Благовещения, когда девица косы не плетет и птица гнезда не вьет, солнце, по свидетельству благочестивых людей, играет, радуясь и как бы высвечивая лучами своими слова «Богородице Дево, радуйся...».

Епископ Серафим Звездинский, читая Богородичное правило, для удобства разделял молитвы на десятки, потому что трудно бывает нашему немощному духу сто пятьдесят раз произнести одну и ту же молитву, не отвлекаясь и не развлекаясь помыслами. После каждого из десятков

святитель Серафим читал более пространную молитву Божией Матери. При этом он вспоминал все события из жизни Пречистой Девы Марии от Ее Рождества до Успения: молитву к Ней, Новорожденной, он читал после первого десятка, затем – в честь Введения Ее во храм, далее – в память Благовещения, – таким образом, он обозревал мысленным оком все события земной жизни Божией Матери, вплоть до предстояния Ее Господу Иисусу Христу, распятому на Кресте, Успения и Вознесения Ее, Пречистой, на Небо. Если кому не удастся найти это правило, составленное святителем Серафимом Звездинским, то вполне можно после каждого десятка читать молитву «Отче наш» или молитву Иисусову, приуготовляя себя таким образом к следующему десятку Богородичных молитв. Можно и по-другому исполнять Богородичное правило.

У каждого из нас есть трудно изживаемые страсти, есть те духовные и душевные недостатки, за которые нас преимущественно укоряют, осуждают, иногда гонят, иногда оскорбляют. Все, кто с нами так поступают, суть наши духовные благодетели и врачи. Они помогают нам увидеть язвы нашего сердца. Но мало эти язвы видеть, нужно стараться их изживать. Но как? Должно противиться греху, хотя совершенное избавле-

ние от страсти дарует только благодать Господня. Посему особенно отраднo молиться Божией Матери, ибо мы верим, что для Нее все возможно. Итак, мы можем выявить какие-то преимущественные, наиболее томящие и мучающие нас страсти. Кто-то, скажем, определит, что главная его страсть – раздражительность, немирный дух, отсутствие мягкости, благодати, милости, любви. Что делать с этой гадюкой-страстью? Хорошо, конечно, противиться ей. Но чуть зазеваешься – она кусает наше сердце, отравляя его. Так вот, мысленно имея в виду эту скверну, которую изжить своими силами невозможно, обращается душа болящая и скорбящая к Божией Матери и читает десять раз: «Богородице Дево, радуйся, Благодатная Марие, Господь с Тобою...», имея внутренний помысел: «Мать Божия, избави меня от этой страсти, вырви с корнем этот порок, умягчи мое сердце, горечь в сладость претвори, даруй мне Твою любовь, Твою кротость, Твою мягкость, Твое милосердие». Удивительно внимательной и одушевленной получается такая молитва, когда мы из самой глубины скорбящего сердца обращаемся к Матери Божией, ибо мы молимся тогда о самом главном в нашей жизни: если не победим эту страсть, она утащит нас за собой во ад. Помолились так десяток, передохнули, вновь смотрим в

сердце свое, а там гады – страсти наши, «ихже несть числа», ибо море это великое и пространное⁷⁾. Вслед за тем душа испытывает побуждение: «Помолюсь-ка я еще десять раз Матери Божией и на этот раз попрошу, дабы Она избавила меня от уныния и печали. И сама я себе не рада, когда находит на меня это состояние, когда все становится чуждым, ничто не радует, все валится из рук». Даже послушание перестает быть святым для такого человека, и, работая из-под палки, он не прославляет делами своими Господа. Иной так сжил-ся со своим унынием, так привык подвергаться этому убийственному состоянию, что вообще теряет радость бытия, разочаровывается в том, в чем разочаровываться нельзя и преступно – в своем призвании. Где же найти внутренние нравственные силы, чтобы противостоять унынию, более того, изжить его, изгнать его из души. Неужели напрасно преподобный Серафим говорил: «Дети, нет воли Божией, чтобы нам унывать, радуйтесь!» «Где я возьму эту радость?» – часто спрашивают не без ропота люди, не столько каясь, сколько изливая на священника свое неудовлетворительное духовное состояние. Конечно же – у Матери Божией. И вот мы произносим второй десяток «Богородице Дево, радуйся...», а в мыслях одно имеем: «Матерь Божия, избави меня от уныния, от

тоски смертныя, отгони от меня расслабление, даруй мне бодрость, даруй мне радость, чтобы никогда крылья души моей не опускались». И окажется, что даже не достанет нам 150-кратного произнесения «Богородице Дево, радуйся...», потому что такую великую духовную потребность ощущает человек. Мучит нас гордыня – нужно молиться о стяжании смирения: «Матерь Божия, Ты смиренна паче всех, прими от меня еще один десяток «Богородице Дево, радуйся». Вместе с гордыней мучит меня объедение, невоздержание в еде и в питии, так что я самому телу своему причиняю вред. Никто даже не поверит мне, Ты Одна знаешь, Пречистая, насколько я плотоугодлива, сластолюбива. «Богородице Дево, радуйся...», научи меня воздержанию». Так молясь, находит христианская душа в этом Архангельском приветствии подлинное лекарство для своего духа. День ото дня, если будем мы совершать это правило с постоянством, душе будет молиться все легче, потому что Матерь Божия, видя наше усердие, начнет являть полноту Своего соприсутствия нам и время от времени полагать такую легкость, такую радость на сердце, что даже забудешь, в теле ты молишься или вне тела.

Наконец, скажем еще слово о наших сродниках. По милости Божией, мы с вами получили дар

веры и поставлены на служение Господу и Матери Божией. В монастыре и стены помогают спасти свою душу, могли бы разлентиться, да стыдно перед окружающими: «Взявшись за гуж, не говори, что не дюж». И так живя, человек спасается, потому что дует ему в спину попутный ветер благодати Божией. А как тяжело, как плохо нашим сродникам, многие из которых хотя и крещены, но живут хуже неверующих. Осуждать их мы не вправе. С детства не наученные заповедям Божиим, не зная Закона Господня, они жили во тьме неверия. Слов наших они не принимают, потому что почитают эти слова проявлением ханжества и лицемерия. А как страшно за молодежь: кто ее уберет, кто защитит от соблазнов, от многоглавой гидры растления, готовой ныне пожрать и правого, и виноватого. И вот приходит нам на помощь молитва «Богородице Дево, радуйся...», потому что Мать Божия пред Господом и Сыном Своим имеет величайшее дерзновение, все Ей возможно, почему всякая мать так молится за свое заблудшее дитя: «Мать Божия, Тебе вверяю мое погибающее, погибшее чадо. Вырви его из когтей сатанинских, покрой его от зла, даруй ему покаяние. Если не Ты, то кто избавит его от гибели?» И материнское сердце знает, что такая молитва не остается не услышанной. Итак, если мы уже ус-

тали смотреть в собственную душу, то можем мысленно сказать себе: «Вот сейчас я помолюсь за своих родителей, ибо давно они не исповедовались, не причащались, одолевают их всякие недуги телесные, да и остальные мои родственники не очень-то благочестивы. Кто догадается пригласить к ним священника, подготовить к исповеди? Матерь Божия, Тебе вверяю моих сродников». И читает душа десять раз молитву «Богородице Дево, радуйся...». «А помолюсь-ка я еще за матушку игумению, – рассуждает насельница, – а то смотрит она на меня как-то строго. Я-то знаю причину этого, но все-таки тяжело испытывать ее пусть и справедливое, но нерасположение. Помолюсь-ка я, чтобы она была со мною помягче, хоть я строгость и заслужила, чтоб она гнев свой на милость преложила». «Богородице Дево, радуйся, – уж так внимательно молится душа, – Благодатная Марие, Господь с Тобою...», – молится всем сердцем, всем помышлением. И действительно, чем мы проникновеннее произносим эти слова, донося их до своего сердца и ума, тем больший плод обнаруживаем и вне себя: молитва отражается на нравственном состоянии наших близких и часто переменяет сами обстоятельства жизни с худших на лучшие. И тот, кто примет это во внимание, кто вслед за преподобным Серафимом будет так молиться Пречис-

той Деве Марии, уже не задаст священникам подобных вопросов: «Батюшка, а как мне научиться стоять на службе со вниманием? Что мне делать с моими помыслами? Даже в самые священные минуты Божественной Литургии, когда поют «Милость мира, Жертву хваления», я зачастую о таком помышляю, что страшно самой становится. Как мне быть, чем заполнить свою душу на богослужении? Я такая холодная, бесчувственная, мне даже страшно. Ежедневно хожу на службу, а плода никакого не приношу Господу». Тот, кто имеет Богородичное правило, таких вопросов не задает, потому что для него служба, часы богослужения возжеленны. Ждет-не дождется благочестивая душа, когда надлежит ей войти в храм Господень, потому что во время богослужения особенно легко молиться Матери Божией. Она очищает наши сердца, помыслы, и молитва восходит, по благодати Божией, к стопам Пречистой Девы Марии. И если мы со вниманием, прилежанием, постоянством будем пребывать в этом подвиге, то вскоре почувствуем, что сердце наше меняется к лучшему, хоть будем еще острее переживать свое недостойнство, нечистоту. Однако со временем мы заметим, что нашего сердца коснулась благодать Божия, что отходит от нас привычная нам раздражительность, что появляются вдруг несвойствен-

ные нам благородство, терпение, снисходительность. То, что раньше выводило нас из себя, ныне приемлется спокойным сердцем, появляется благожелательность, человек вдруг обнаруживает в себе способность пожалеть другого, сострадает, видя его немощи, а не злорадствует, как раньше. Это есть признак уврачевания души: Сама Матерь Божия накладывает на язвы нашего сердца пластырь, возливает вино и елей и, таким образом, усовершенствует своих служителей, дабы они в чистоте, в трепете и в радости произносили: «Богородице Дево, радуйся...». Аминь.

21 июля 1998 г.

**«Кто не несет креста своего
и идет за Мною,
не может быть
Моим учеником»**

(беседа о крестоношении)

Сегодня мне хотелось бы предложить вам беседу, посвященную крестоношению, несению креста. Сам Спаситель ясно свидетельствует в Евангелии, что ученики Его отличаются от сынов века сего тем, что они сознательно и с любовью несут в течение всей своей жизни крест: «Если кто хочет идти за Мною, отвергнись себя и возьми крест свой и следуй за Мною»¹⁾. Сказано это о всех христианах, без изъятия, о всех, кто только хочет спастись, а значит, в первую очередь, о монахах, которые составляют передовой отряд православных христиан.

Люди, живущие в миру, смотрят на монахов с великой надеждой. Это можно сравнить с тем, как все творение – небо и земля, реки, камни, кузнечики, птицы, звери лесные, злаки полевые, – вся тварь стенает, воздыхает к Богу, с надеждой взирая на сынов Божиих, на христиан, ибо Вселенная по вине Адама покорилась суете, греху и смерти²⁾. И в наше время все творение чего-то ждет от людей, зная, что именно через них

принимает благодать. Человек может просто прогуливаться, гулять за стеной Пюхтицкого монастыря, дышать воздухом, о чем-то своем думая, и не понимать, что земляничные кустики и маслята, спрятавшиеся под березовой веточкой, пролетающий аист и лягушка, которую аист ищет в болоте, – вся неразумная тварь ждет от этого прогуливающегося на лоне природы человека освобождения, искупления, ибо, если человек, будучи почтен образом Божиим, осуществляет нравственную цель своего бытия и исполняет заповеди Божии, то мало-помалу он исполняется Божией благодатью, и все вокруг него начинает цвести, благоухать и сиять: злаки начинают быстро расти, а розы раскрывают свои лепестки и являют полноту вложенной в них красоты. Итак, как все творение с надеждой взирает на людей, так мирские люди с надеждой взирают на отряд, именуемый «монашество». Люди городские, смотря в сторону монастыря, мысленно обращаются к монахам: «Если не вы, то кто же? Ибо больше никого не остается. Там за вами – святые Ангелы и Архангелы». Живя в миру и совершая грехи, люди, однако, утешают себя: «Ну ладно, мы – люди мирские, мы, прости, Господи, нет-нет да затянемся сигареткой, но там, в монастыре, за нас воскуряется молитва. И мы скоро бросим курить, потому что в Пюхтице мо-

лятся за весь мир». А некоторые так и говорят: «Мы не святые, мы в монахи не записывались». Какое, стало быть, высокое понятие у людей о монашеском подвиге: если в монахи записался, значит изволь быть святым. «Будьте святые, потому что Аз свят есмь»³⁾ – вот та заповедь, откликнувшись на которую, люди приходят в обитель. Попад в монастырь, и поневоле становится христианская душа философом, потому что здесь, отгородившись от чада и духоты городов, человек получает возможность оглянуться по сторонам. Настоящий монах, мне кажется, напоминает собою Илью Муромца (помните «Три богатыря» Васнецова?). И вот стоит такой Илья Муромец на горке и глядит куда-то вдаль, взирая на расстилающиеся перед ним равнины и долины. Вот таким в нашем представлении должен быть монах, с головы до ног вооруженный до зубов: шлем спасения, броня правды и любви, пояс воздержания...⁴⁾ И вот такой свято-русский богатырь, вооруженный обоюдоострым мечом молитвы, смотрит с горки на окружающую его жизнь, смотрит на то, что позади, оглядывается на собственное прошлое, пытаясь заглянуть в будущее: «Что день грядущий нам готовит?» И представляется такому философу, в обители пребывающему, вся жизнь единой горой Голгофой, средоточие которой – Животворящий Крест Хрис-

тов, на котором распят наш Спаситель, по слову псалмопевца Давида: «Бог же Царь наш прежде века содела спасение посреде земли»⁵⁾. Даже некоторые светские философы говорят о том, что центр мировой истории, от которой, как лучи, исходят и прошедшее, и будущее, – это гора Голгофа, все к ней стягивается: и древний мир, и средние века, и настоящее, и будущее – все, как волны, бьется об этот утес Голгофский. А одесную и ошуюю Креста Спасителя – еще два малых креста. Как известно, справа от Христа был распят разбойник благоразумный. Звали его Рах. Слева был распят другой, тот, который роптал, кощунствовал и земные скорби сменил на муки вечные. И когда вот с такого монашеского пригорка взираешь на эту картину, величественную и страшную одновременно, начинаешь понимать, что Голгофская гора с тремя крестами, по существу, запечатлела всю историю человечества: прошедшее, настоящее и будущее, все тайны мировой истории – все ее драмы, трагедии здесь. Начинаешь понимать, что все человечество, весь род наш и каждый в отдельности представитель этого рода рождается на земле для того, хочет он этого или нет, чтобы взойти на крест. «Человеческая природа, – учит нас святитель Игнатий (Брянчанинов), епископ Кавказский, – страждет,

казнимая в силу Адамова греха и наших личных грехов». Природа наша, глубоко поврежденная падением, страдает. Вся совокупность болезней, переживаемых душой и телом, и является тем крестом, к которому пригвождает себя сам каждый человек, с младенческого возраста до часа исхода из временной жизни. И до Христа Спасителя все люди и каждый в отдельности, включая патриархов, праотцев, пророков, несли этот крест. Каждый из них, отходя в мир иной, если бы его спросили: «Что твоя жизнь? Что ты скажешь о ней?», ответил бы: «Земная жизнь – это крест». Премудрость Божия состояла в том, что Бог, живущий во свете неприступном, Бог Всеблаженный, став Человеком, взошел на Крест, усвоил болезни каждого из нас, даровав взамен животворящую Свою силу, которую отныне каждый крестоносец может воспринять, дабы его земная жизнь, являющаяся ссылкой и преддверьем ада для казнимой и поврежденной грехом, настроенной боговраждебно природы, стала преддверьем рая. А произойдет это лишь в том случае, если желающий спастись свой крест облобызает, на нем упокоится, если он свой крест благословит и с терпением будет на нем пребывать, а самое главное, если он соединит чрез веру и благочестие свой малый крест с великим Кре-

стом Голгофским, с Крестом, на котором распят Иисус Христос. Вот почему нет ничего полезнее, спасительнее, увлекательнее, назидательнее и радостнее, чем размышлять о кресте. Это живо касается каждого человека, даже если он еще очень далек от разумения и жизни своей, и тайны своего спасения. Согласившись с тем, что крест является главным предметом нашего внимания, мы начнем нашу беседу с размышления о кресте каждого из нас.

Если обращаться преимущественно к насельникам этого монастыря, то, кажется, их жизнь составлена из четырех крестов. Первый крест – это *крест общечеловеческий*: все мы люди, все человеки, все Божии создания, у всех у нас одна участь: мы вошли в этот мир нагими, нагими из него и уйдем, всем нам надлежит пройти вратами смерти – кончины. Говорят, что это испытание не очень легкое, во всяком случае, оно нуждается в осмыслении, и мудрые стремятся как можно больше размышлять о смерти – последнем экзамене нашем: Как это будет? Когда это будет? При каких обстоятельствах и условиях, Господи, придет ко мне она, смертушка? Кто меня будет окружать в час моей кончины? Друзья или враги? Или я буду совсем одна, как в пустыне, и некому будет мне подать стакан воды и смочить мои за-

пекшиеся губы. А может быть, меня ждет смерть насильственная? Господи, прошу у Тебя вместе со всею Церковью кончины христианской, непостыдной, безболезненной, мирной.

Второй крест, который несут насельницы обители, – это *крест женской природы*. Женское естество – немощнейшее, отягощенное всеми слабостями, свойственными нашей праматери Еве по грехопадению. Это совершенно особенный крест еще и потому, что женское тело особенно подвержено болезням. Хотя, говорят, женщины выносливее мужчин, они легче переносят голод, несут на себе большую часть трудов, как сказано у поэта, «нет жилочки нетянutoй, нет косточки неломаной». Вы знаете, что в честь великих жен составлялись даже оды и гимны. О русской женщине, в том числе живущей в монастыре, особенно хорошо сказал Некрасов: «Коня на скаку остановит, в горящую избу войдет!» Это справедливо, но при всем том женская природа подвержена многообразным недугам и немощам. Мужчинам гораздо легче в этом смысле, поэтому, наверное, с них двойной спрос.

Наконец, третий крест, который несут насельницы, – это *крест христианского звания*. Его мы берем сознательно, в отличие от первых двух крестов, присущих и неотъемлемых от нас. Сегодня

на Литургии мы слышали начало первосвященнической молитвы Господа Иисуса Христа, в которой Спаситель, обращаясь к Небесному Отцу, прославляет Его и молит за учеников, оставляемых Им в мире, говоря: «...не о всем мире молю, но о тех, которых Ты дал Мне... Отче Святы́й! соблюди их во имя Твое...»⁶⁾ Крест христианина очень наглядно вырисовывается в нашем сознании, потому что, чем темнее ночь, тем ярче звезды. Чем мир становится агрессивнее, чем откровеннее его злоба, боговраждебность, тем крест христианина глубже вдавливается в сердце всякого, кто хочет быть учеником Иисуса Христа. Чем более греховная тьма уплотняется и конденсируется в этом мире, тем христиане становятся заметнее. Нас не так много, и нас все узнают. И никуда, особенно сейчас, на рубеже XX и XXI столетий, христианину уже не спрятаться. Это не VI век по Рождестве Христовом.

Один известный в Москве батюшка как-то рассказывал, что однажды, в бытность его студентом, подходит к нему комсомольский работник на курсе, который всех пытался озаботить всякими общественными, партийными нагрузками, и говорит: «А я вас всех насквозь вижу, кто с крестом или со Христом». Мой знакомый искренно удивился, потому что это было не то время, чтобы носить крес-

тик поверх блузочки, как сейчас некоторые делают, и задал ему такой вопрос: «А как это ты видишь нас?» Тот и ответил: «А у вас у всех в глазах какая-то собачья грусть». Я понимаю, что он имел в виду. Дело в том, что светский человек, у которого все мысли отданы этому миру, носит в себе мирской дух, дух развлечения, дух празднословия, дух греха, а христианин, если он не по имени только, но и по жизни христианин, носит в себе другой дух. Как сказано Спасителем, «если бы вы были от мира, то мир любил бы свое; а как вы не от мира, но Я избрал вас от мира, потому ненавидит вас мир»⁷⁾. Посмотришь только в глаза настоящего христианина и увидишь что-то весьма его отличающее от сынов века сего. И это выражение, эта глубина, обращенность сердца человеческого к Богу неверующими воспринимается как непонятная грусть. Но на самом деле это не грусть, это пребывание души с Богом, а пребывать с Богом — это очень серьезно. Крест христианина всегда требовал напряжения всех сил души.

Не нужно думать, что только во времена антихриста человек будет «либо пан, либо пропал». В раннем средневековье, когда еще гонения на Церковь от языческих императоров не прекратились, монахи должны были, по повелению одного из этих императоров, на правой руке обязательно носить

довольно большую табличку с надписанием: откуда они, где они живут; и если кто отказывался носить эту громоздкую табличку, подлежал тотчас физическому уничтожению. Во многие века эта история повторялась. В 1789 году во Франции произошла великая по своим беззакониям Французская революция. Тогда расхаживали по Парижу отряды вооруженных людей и смотрели: если им человек не нравился и казался подозрительным, его тотчас отправляли на гильотину. Это такое приспособление, которым можно было, опустив тяжелейшую металлическую скобу, отрубить одновременно десять голов. Кто же оказывался в числе подозрительных? Священники, монахи и добропорядочные христиане.

Мы должны твердо держать в своей руке крест христианина, и, не дай Бог, какие враждебные вихри у нас этот крест вырвут. Быть христианином и радостно, и ответственно. Ответственно потому, что мир все дальше и дальше отходит от Церкви, все глубже проникаясь богоборческим духом. Оптинские старцы, провидя, как нелегко будет последним христианам, даже говорили: «В XX столетии исполнится то время, о котором сказано в 14-й главе Апокалипсиса: "... отныне блаженны мертвые, умирающие в Господе... (ибо) они успокоятся от трудов своих, и дела их идут вслед

за ними”⁸⁾. Что это значит? По объяснению игумена Никона Беляева, ученика преподобного Варсонофия Оптинского, отныне весьма мудреное дело умереть христианином – то есть, подойти к часу своей кончины не дезертиром, не отступником, не человеком с нераскаянными смертными грехами, не в озлоблении на жизнь, не в отчаянии, а с правой, православной верой в уме, с любовью в сердце и с надеждой на милость Божию. Настолько век стал лукавый, крученный, настолько искушения приняли тонкий, иезуитский характер, что многие христиане, образно выражаясь, начинают за здравие, а заканчивают, к сожалению, за упокой. Начинают бодро, а заканчивают, опустив крылья веры и любви. Они не выдерживают даже малых искушений, которые надо бы мужественно перенести, сознавая, насколько они незначительны. Так нет же! Эти искушения в нашем воображении непостижимым образом вырастают, делаясь, по проискам лукавого, из мухи слонем. А ведь не так умирали в старое доброе время. Матушка игуменья мне поведала, как умирала слепенькая монахиня Рафаила. Она была уже на покое и потихоньку слабела, таяла, как свечечка догорающая, при совершенно ясном уме в свои 98 лет. И вот она собралась умирать, а матушка игуменья ей и говорит:

– Мать Рафаила, ты смотри, не помирай. Вот придет батюшка, мы вызвали его, он в соседнем селе сейчас, и чудотворную икону принесет – тогда помрешь, а сейчас нельзя.

– Благослови, матушка, я потерплю, я подожду...

– Смотри, матушка, нельзя умирать!

– Подожду, подожду! – ответила монахиня Рафаила, перекрестясь.

Пока эту икону везли, она все ждала, как будто бы не смерть ею обладала, а она смертью. Пришел батюшка. Она причастилась в ясном сознании, с благодарением и, приложившись к чудотворной иконе Матери Божией, тихо отошла. Матушка игумения говорила, что она много видела таких смертей. И мы, батюшки, тоже видим, как по-разному умирают люди, но не всякая кончина, к сожалению, оставляет такое светлое впечатление.

И наконец, четвертый крест, тот крест, на который с особенным упованием взирают живущие в городах и весях люди, – *крест монашеский*. Мы из городов наших посматриваем на этот монашеский крест молча и благоговейно. Об этом кресте сказано, в частности, что настоящий монах есть столп Православия. Настоящий монах есть твердыня адамантова, неприступная злым силам. На-

стоящий монах – это лоцман, по отношению к которому живущие в мире – это еще ничего не умеющие матросики. Настоящий монах – это свет мира и соль земли. Монаха русский народ привык почитать и уважать так же, как священника. Подтверждение этому находим, в частности, в наставлениях святого князя Владимира Мономаха своему сыну. Настоящий монах – это человек, который, как некий атлант, подпирает небосвод. На старинных зданиях можно видеть этих атлантов, подпирающих кровлю. Таким должен быть монах, держащий небосвод, чтобы он не обрушился за наши грехи на нас. Но не дай Бог, кто-нибудь из монахов скажет: «Устал, Господи, возьми меня домой», ибо тогда накренится купол небес. Святитель Игнатий Кавказский говорил, что с уничтожением монашества завершится и христианство, то есть наступит кончина мира. А один многоопытный священник свидетельствовал, что, когда оскудеет в монашеском мире понятие о молитве и само делание этой молитвы прекратится, тогда придут к завершению сроки, поставленные Господом для бытия мира. Оказывается, весь мировой процесс и тайны грядущего, судьбы мира вершатся не в ООН и не где-нибудь в политбюро, а в скромных обителях, где доживают свой век две-три старушки в богадельне, прошедшие хорошую

школу монашества. Вспоминаем в связи с этим преподобного Лаврентия Черниговского, который говорил, что и в последние времена будут люди, ведомые Господу, находящиеся под сердечным воздействием молитвы Иисусовой. И эти несколько человек будут духовными атлантами, сокрытыми от мира, поддерживающими небосвод, дабы он не обрушился и небо с землей стояли бы еще на своих местах.

Монашеский крест, стало быть, хотя и является личным крестом каждого из его берущих, но вместе с тем он становится и общим достоянием, несмотря на то, что от монаха может быть сокрыто, что его жизнь, его маленький посильный подвиг является чем-то весьма значимым для судеб людских и для бытия всего мира: «Кто я? Маленький человек. Да и какой я монах? Я не монах, а персть и прах».

Итак, насельницы монастыря причастны к несению четырех крестов. Первый крест – *общечеловеческий*, его разделяют все представители рода нашего, все люди. По молодости, конечно, этот крест не замечается. Когда мы были молодыми, удалыми, здоровыми, красивыми и сильными, жизнь вообще казалась очень легкой. В юности душа напоминает собою какую-то летающую за пределами монастыря бабочку, на крылышках ко-

торой лежит причудливым узором пыльца. Разумные из нас эту пыльцу берегли, не дай Бог, кто дотронется. И таких, многих, Мать Божия особым южным ветром поближе к Своей обители привлекла. Но бывает, человек к обители приползет, а у него не то что пыльцы, кости здоровой нет. Но Мать Божия воскресит, очистит, освятит и на служение поставит.

Да, в юности этот крест не очень-то замечают, но по мере жизненного нашего шествия мы начинаем ощущать на себе его тяжесть. Вот представьте: жили вы в свое удовольствие, припеваючи, и вдруг у вас передний зуб сломался, – и вы стали матушка щербатая. Сколько бед, сколько напастей, сколько треволнений, пока вы этот зубик замените, залечите. И, к сожалению, чем дальше мы проходим по жизни, тем число немощей наших будет увеличиваться. Вот сегодня мне матушка игумения говорит: «Батюшка, не поверите, у нас не Пюхтица, а сущий лазарет! – имелось в виду не духовное, а телесное состояние сестер. – Мы все тут такие болящие, из них же первая есмь аз. У кого аппендицит вырезали, у кого – гланды, у кого ухо, у кого глаз болит... Сегодня в храме читалось Евангелие об исцелении слепых, немых, хромых – это все про нас. Мы, выходит, просто здесь инвалидная команда. Но у нас есть утешительное со-

знание, что Матерь Божия всех нас, на повозочку уложив, все-таки привезет туда, “идеже несть болезнь, ни печаль, ни воздыхание”.

Вот почему для облегчения этого общечеловеческого креста немощей и болезней очень важно исполниться с юных лет благодарения. Некоторые, правда, начинают препираться со священниками: «Батюшка, да за что мне благодарить? У меня жизнь соткана из скорбей. Я каждый день умираю». Нет, есть за что благодарить. Надо только иметь сердце живое, признательное, как у святого праведного отца Иоанна Кронштадтского, который говорил: «Молитва есть постоянное благодарственное настроение». Благодарение, по учению святого Иоанна Златоустого, должно быть подобно дрожжам, которые закладывает в опару матушка стряпуха. Дрожжи заквашивают весь состав и подымают тесто. Поэтому все молитвы, келейные и соборные, должны быть возносимы от признательного, благодарного сердца. Это есть соль духовной жизни. Человека благодарного, рискнем сказать словами преподобного Серафима Саровского, ни огонь не сожжет, ни вода не потопит, потому что, благодаря Господа, мы всегда открыты для принятия благодати Божией. Святейший Патриарх Алексий I говорил, что благодарственное воздеяние рук наших ко Господу побуждает дес-

ницу Божию умножать дары, посылая одни вслед за другими. Думаю, что особенно это справедливо в отношении живущих в монастыре. Благодарение дает монастырским насельникам возможность всегда находиться в чувстве Бога и сознательного усвоения Божией благодати, собою здесь все наполняющей. Ведь чем больше мы получаем, тем больше нам надо благодарить, и напротив, если ты при многом, данном тебе, не благодаришь, то и искушения приходят великие. Бесенок может так подстроить, что вместо благодарного, а значит, радостного, окрыленного состояния духа, попущено будет вам настроение плаксивое, какое-то занудное, неприкаянное, противно томительное, тягостное состояние духа. «Батюшка, вот меня поселили вместе с, так сказать, особью человеческого рода. Ну как еще земля носит ее». И затем перечисляет целый список немощей и одних только отрицательных черт характера соседки. По учению святителя Серафима Звездинского, Дмитровского епископа, бес каждому из нас прислуживает, предлагая кому моноколь, кому пенсне, кому бинокль, чтобы мы начали рассматривать ближнего своего. Только вот стекла, линзы у бинокля особенные. Когда наставишь этот бинокль, если, конечно, примешь эту услугу от бесенка, то все немощи ближнего вырастают до чудовищных

размеров, становятся выпуклыми и осязательными, так что у вас и нравственных сил не хватает, чтобы пребывать рядом с таким «экземпляром».

Воспринимать все в благодарственном, благодушном духе, — это значит уметь видеть светлую сторону в каждом событии. Свойство это вполне духовное и спасительное. Но, к сожалению, этого благодушия сейчас днем с огнем не сыскать. Впрочем, одного такого благодушного человека я нашел. Для этого пришлось съездить на гору Афон. В местечке, именуемом Ксилургу, где русские монахи поселились еще в X–XI веках, откуда пошло русское монашество, живет один пожилой батюшка — отец Иаков, уже лет 20. При нем находится рабочий и еще один молодой брат. И вот недавно у этого отца Иакова сгорел целый корпус из-за того, что молодой брат не послушался и затопил печь, несмотря на запрет отца Иакова: «Печи не растапливай, в этом корпусе герметичности нет, а хочешь греться, грейся здесь, в старом корпусе». Сгорел целый корпус вместе с библиотекой. Отец Иаков, конечно, сильно огорчился, но не впал в уныние и в отчаяние, а сказал: «Ну что же делать? Видимо, такова воля Божия».

Благодушие — это, конечно, драгоценный дар, совершенно необходимый в нашей жизни, иначе с таким вот биноклем и помереть можно, пото-

му что, когда смотришь на себя через этот бинокль, то все твои действительные недостатки уменьшаются до микроскопических размеров, ты их просто не видишь «в свете собственных добродетелей» и поэтому считаешь себя всегда находящимся не на своем месте, всегда внутренне досадуешь, а значит и сетуешь на тех, кто не понимает и не видит, как нужно было бы с тобой поступить, какое надо было бы дать тебе послушание. И нет конца такому плаксивому настроению, смешанному с жалостью к себе. Неопытные скажут: «Она имеет дар слез. Вот, видите, слезы пролились. Вот какой дождик». А соседка, которая с вами живет, заметит: «Батюшка, да у нее не дар слез, она просто на болоте родилась».

Конечно, более всего этот человеческий крест вдавливается в наше сердце, когда приходит пора умирать. Но, к сожалению, очень часто умирающий, находясь в обольщении, не осознает серьезности своего положения. Он уже, кажется, дышит на ладан, организм его настолько изношен или настолько подчинен болезни, что только кожа да кости остались. И казалось бы, сама тяжесть физического недуга должна была бы подсказать душе, находящейся в этом борении, что не сегодня-завтра постучатся и скажут: «Пора», а душа, встретив дорогого гостя – священника или об-

щаяся с близкими по духу людьми, строит планы и говорит часто такие слова, которые вас заставляют молчать: «Батюшка, мне бы только встать. Что-то уж очень долго я лежу, но надеюсь подняться. Еще будем горы воротить». Смешно, а вместе с тем и грустно, потому что это признак обольщения, слепоты. Намного мудрее поступали те, кто заранее, еще находясь в добром здравии, молились при каждом ударе настенных часов, как святитель Иоасаф Белгородский: «Буди благословен тот день и час, вонже Господь мой Иисус Христос мене ради родися, распятие претерпе и смертью пострада. О, Господи Иисусе Христе, Сыне Божий, в час смерти моя приими дух раба Твоего, в странствии суца. Молитвами Пречистыя Твоя Матере и всех святых Твоих. Аминь». Так он себе приводил на память время исхода. А Антоний Великий добавляет: «Едва ли сможешь стяжать добродетели, если не будешь помышлять о том, что сегодняшней день последний». Более того, правильнее говорить себе: «А доживу ли я до сегодняшнего вечера?». Иные духовно настроенные лица в тайне сердца стараются чаще помышлять об ангеле смерти, которую наш русский народ ласково называет смертушкой. Ангелу смерти поручено будет нашу душу отделить от телесного состава. Особенно полезно в связи с этим вспоминать те ду-

ховные стихи и песнопения, которые любил петь наш народ: «Вот скоро настанет мой праздник, последний и первый мой пир, душа моя горестно взглянет на этот покинутый мир. Умоют меня и причешут и будут каноны читать, друзья мне поклонятся низко и будут меня провожать». Поэтому хорошо мысленно, когда раздастся стук в дверь, к самому себе обратиться и сказать: «Не смерть ли моя пришла? Готовься!» Подвижники благочестия свидетельствуют, что Бог, завидя такое маленькое усердие, даст большую благодать, отрешив от слепоты наши запорошенные очи. Особенно не хотелось бы страдать этой слепотой в час кончины, почему и царь Давид влагает в уста всех, а прежде всего монашествующих, замечательную молитву: «Скажи ми, Господи, кончину мою, и число дней моих кое есть; да разумею, что лишаюся аз?»⁹⁾

Крест женского естества. О нем мы уже упоминали немножко. Состоит он еще, может быть, и в том, что женская природа весьма изменчива. Не случайно ее символом является ночное светило – луна, которая то возрастает, то ущербляется. Говорят, что это образ женского естества, в то время как солнце – образ мужского естества. Почему и в христианском браке было принято мужу носить серебряное колечко, как напоминание о немощи жены. Эта изменчивость, это непостоян-

ство проявляется особенно в час надлома, когда женская душа напряжена до невозможности. Это бывает в час недуга, едва терпимого; это может быть следствием какого-то душевного истощения или обусловлено средой, неблагоприятно воздействующей на человека, когда наша душа натягивается, словно струнка, – и приступает тогда к ней бес – существо совершенно циничное и безжалостное. Нет бы пожалеть душу, оставить ее в покое. Напротив, едва лишь душа начинает изнемогать, тут-то бес и рядом. И если женская натура не научится сохранять невозмутимое олимпийское спокойствие, то диавол всякий раз в этот надлом, в эту трещинку обязательно будет вкладывать свой яд, который во мгновение ока всю женскую душу заполонит, и, отравленная этим ядом, она уже будет думать, действовать и говорить, сама не зная что. Это называется «выйти из себя» или «потерять почву под ногами». Несчастье состоит в том, что под воздействием одного помысла, омрачившего наш ум, душа, по общему свойству женской природы, воспринимает всю окружающую ее жизнь в трагических, мрачных тонах: все плохо, нигде нет никакого просвета. В таком состоянии многие совершали глупости, допускали непростительные и неисправимые ошибки. В таком состоянии человек может дойти до безу-

мия, например, снять крест. И все это, повторяем, совершается именно при помраченном рассудке и сердце. Конечно, до такого, по милости Божией, не сразу дойдешь, но есть люди, предрасположенные к этому. Это те, кто, живя в миру, любят ссылаться на нервы: «Я очень нервная». Няня моей бабушки говорила: «В старину таких называли злыми, а сейчас нервными». И едва лишь только ты начнешь на нервы скидку делать, последствия могут быть плачевные.

Многие женщины наделены еще большой эмоциональностью, от которой тоже много бед, потому что, если человек не научится сдерживать свои эмоции, если его душевность не переродится в духовность (творческие силы нашей души должны уйти в духовное, к Богу), он, бедный, может заработать себе ишемическую болезнь сердца, мерцательную аритмию, сердечную недостаточность и, наконец, инсульт, который раньше называли апоплексическим ударом. Этим, конечно, больше мир знаменит, хотя, догадываюсь, что и в монастыре, если человек не будет себе внимать, он может превратиться под старость в сгусток энергии, ничем неукротимой, ибо, говорят, страсти с возрастом «юнеют в силе».

Крест ученика Христова. В монастыре этот крест нести легче, потому что монастырь нахо-

дится вне бушующего, как море, и истлевающего в своих страстях мира. А там, действительно, бушует мирское море. И сегодня, пожалуй, особенно боязно за молодежь. Да. Мы тоже жили в нелегкое время: пионерские галстуки, линейки, сборы... Сейчас иное дело. Все можно, все дозволено. В Таллине, например, в одном из протестантских соборов освящают знамена неофашисты, там возрождается движение эсесовцев. Это называется «демонократия». По западному образцу. В Москве зарегистрирована церковь сатаны, которая имеет несколько приходов. Поэтому нашей молодежи тяжелее, чем нам. Мы жили в эпоху, когда советское противопоставлялось буржуазному и буржуазный образ жизни резко осуждался. За брюки-дудочки или расклешенные брюки во времена нашей молодости могли пропесочить на комсомольском собрании: «Что это за рабское подражание растленному Западу?» Были хотя бы слова о морали, а сейчас и их не осталось. Сейчас добро и зло в миру смешались, а лучше так сказать: люди ныне считают, что имеют право на все. В частности, имеют право жить по ту сторону добра и зла. Особенно, если есть капиталец. И конечно, юным се-

годня гораздо труднее свечу веры донести до зрелого возраста. Сегодня искушения подстерегают уже не в подворотне, а в самой школе, которая задалась целью лишить детей детства и девства. «Половое воспитание», а на самом деле – не воспитание, а растление. И настолько оказался низким наш нравственный уровень, что некоторые учителя, большинство из которых женщины, а значит матери, супруги, воспитатели, говорят: «Ну, меняются времена. Да, в наше время было не принято, чтобы на перемене старшеклассники сидели в обнимку и демонстрировали свои чувства. Видимо, мы люди другого покроя. В наше время это было как-то неприлично, но сейчас другие времена, мы потому сейчас многое пересматриваем, а что касается этого курса, раз есть такая установка, то нужно, видимо, преподавать и через “не хочу”». Думаешь: «Господи, помилуй! Это кем же надо быть, чтоб не бояться слов Христа Спасителя: “...кто соблазнит одного из малых сих, верующих в Меня, тому лучше было бы, если бы повесили ему мельничный жернов на шею и потопили его во глубине морской”¹⁰⁾». И сегодня, конечно, нужно твердо сжимать в своей руке крест христианина,

потому что противостать мнению большинства, дать отпор всем этим расхожим суждениям – это дело веры в Господа и дело Его благодати.

Мы живем в трудное время. В миру, например, сейчас мало кто имеет правильное воззрение на материнство, и трудно бывает беременной мамочке, которая ложится на сохранение, отстоять жизнь своего ребенка, потому что у многих врачей просто человекоубийственная болезнь, особенно, если мама рождает третьего, четвертого, пятого ребенка: у них все внутри содрогается, и, помогая родам, они осыпают оскорблениями женщину, которую можно назвать героиней нашего времени, именно потому, что она исполняет долг, возложенный на нее Господом, долг матери. Священники любят рассказывать такую историю. Однажды к врачу пришла беременная женщина, на пятом месяце, и говорит: «Господин доктор, у меня муж болеет неизлечимой и позорной болезнью. Я сама имею открытый туберкулез такой-то степени. Двое уже рожденных мною детей слепы от рождения, и вот у меня третий. Что мне делать?» Врач тот (а дело было в XVIII веке) ответил в соответствии с хри-

стианскими убеждениями: «Рожать!» И родился... великий композитор Людвиг ван Бетховен, написавший впоследствии «Лунную сонату».

Поговорим теперь о кресте монашеском. Здесь бы нужно мне умолкнуть, потому что иные могут сказать: «Отец Артемий, не стыдно ли тебе поучать матушек, многие из которых несут крест монашества уж лет эдак 28?» Главное для монаха, как нам кажется, не забывать, Кто у него Родители, Кто его отродил, Кто его ведет и на Кого он должен ежечасно взирать? Главное для монаха – осознавать себя в отношении мира эдакой казанской сиротинушкой и с тем большей теплотой прибегать в объятия своих истинных Родителей: Христа Спасителя и Матери Божией. «Батюшка, а как мы можем к Ним прибегать, если мы Их не видим, по слепоте нашей?» А вот, у вас в Успенском соборе, в правом приделе, есть две иконы местного ряда афонского письма, на которых в полный рост изображены Мать Божия и Спаситель, всегда Юный и Прекрасный, Воскресший Христос. И подписано: «Иеросхимонах Георгий». Видно, что он был человек Божий: такой нежности эти краски, такие небесные очер-

тания, такой лик Матери Божией, что даже словом трудно выразить. Вспоминается, как однажды к преподобному Серафиму Саровскому пришел юный монах (дело было в самом начале XIX века) – будущий наместник Троице-Сергиевой Лавры архимандрит Антоний, ставший впоследствии духовником митрополита Филарета Московского, который предстоял его душе, когда тот отходил к Богу. И вот еще совсем юным монахом Антоний пришел к уже известному старцу Саровскому и сказал ему: «Долго я размышлял и искал такого духовного руководителя, которому мог бы вверить без остатка бессмертную свою душу. Отче Серафиме! Я готов тебе совершенно вверить душу мою так, чтобы я мог отсекал даже наималейшее желание. Рядом с тобою хотел бы я жить и умереть, ибо несомненно верую, что чрез твое водительство и руководство спасет меня Господь». Преподобный Серафим посмотрел на него и говорит: «Радость моя, ты неправильного желаешь». – «Как неправильного? Неужто, отче Серафиме, ты не можешь руководить моей грешной душой?» – А тот ему отвечает: «Ты захотел быть свечой, поставленной внутри церковного фонаря, который

на Пасху носят, чтобы со всех сторон цветные стеклышки тебя защищали и свеча горела бы немерцающим светом в этом фонаре. А Бог хочет иного. Пойдем со мной». Пришли они в храм Божий. Преподобный Серафим говорит: «Делай земной поклон перед иконой Спасителя, делай земной поклон перед иконой Матери Божией. Вот тебе Родители. Вверься Им без остатка, у Их стопочек всегда пребывай, Им все желания своего сердца поверяй. Все у Них проси, чего тебе не хватает, а наипаче радуйся, что ты, монах, удостоен общения с Ними, Господом Господей и Царем Царей и с Матерью Твоею во Христе, Радостью всех Радостей, Невестой Невеждою. Вот еще раз Им сделай поклон, чтоб мои слова у Тебя запечатлелись в памяти». И, конечно, отец Антоний, будущий архимандрит, исполнил наставления преподобного, научившись падать духовно ниц – телом, помыслами, чувствами, волей – прекрасными стопочками Матери Божией.

Усвоив эти наставления, любой монах может удовлетворительно окормляться, духовно назидаться, питаться в любой обстановке, в любой обители, при самых, кажется, внешне неблагоприятных обстоятель-

ствах. Каждый день будет для него откровением, потому что Бог нам открывает все, что потребно для нашего спасения, знай только подмечай, запоминай, усваивай, исполняй. Вот, например, Иоанновский монастырь на Карповке. Среди его насельниц есть наделенные детской душой, которые буквально восприняли завет отца Иоанна Кронштадтского, сказавшего: «После меня у вас, милые сестры, дети мои, не будет уже такого наставника, так что вы приходите ко мне, сюда, во двор, где растет дубок, посаженный мною, поплачьте тут, все расскажите, и я все приму, пойму». Одна матушка там рассказывала: «Да, батюшка, на первых порах возрождения обители священники у нас часто менялись. Только привыкнешь немножко к одному – другой придет, только этого батюшку как-то узнаешь, третьего пришлют. Одна только отрада – как намаешься, набегаяешься, убежишь сюда, к этому дубу, чтоб никто не видел, потрешься немножко щекой об его кору, погладишь и помолишься: «Отче Иоанне, прими исповедь истерзанной души!» И легче становится». Сестры в Пюхтице, конечно, много почтены: здесь священники, по милости Божией, усердные, молитвенные, понимают

духовную нужду сестер, а еще есть такая купель дивная – чудотворный источник, окунувшись в который, чувствуешь, что Матерь Божия сняла добрую половину твоих бед и скорбей. Такая благодать! Да, и это, конечно, милость Божия.

Вспоминается мне такая история. В самые тяжелые довоенные годы, когда НКВД контролировал буквально все оставшиеся храмы, жила в Москве одна матушка. И в те годы не каждый храм мог похвалиться таким прозорливцем, как, например, схиархимандрит Захария, последний инок Троице-Сергиевой Лавры, к которому пришли как-то студентки со списком вопросов. Он говорит: «Подождите, мне некогда, я должен дослужить молебен. Что вам, деточки?» – «Да у нас, батюшка, вопросы» – «А, вопросы, ну садитесь», – и прямо им все 40 пунктов изложил, не раскрывая записочку. Но не везде были такие батюшки-настоятели. Та монахиня, о которой я рассказываю, будучи уже пожилым человеком, хотела открыть душу в исповеди, а исповедовал отец настоятель. Внешность у него была примечательная: клочкастые нависшие брови и взгляд, просвечивающий душу наподобие рентгена. В тот день был празд-

ник святителя Спиридона Тримифунтского. (В Москве есть Спиридоньевский переулок, храм не сохранился, только название переулка осталось, икона же святителя Спиридона с мощами находится в Храме Воскресения Словущего, что в Брюсовом переулке.) И матушка прямо плакала: «Святителю отче Спиридонушка, ну какая я монахиня? Я не делаю того, что нужно, а если что делаю, то сама себя забываю и совершенно не молюсь. Да я вся в грехах, как в шелках, облеплена с головы до ног, а самое главное – уже 30 лет монахиня и не вижу я никакого продвижения и исправления». Так вот некогда и к Амвросию Оптинскому пришел монах, жалуясь на себя: «Не монах я, а сущая свинья! В тех же сластях и грехах, что и был!» А старец-то Амвросий лежит на кушеточке, улыбается своей лучезарной улыбкой и говорит: «Подожди, брат, о нас с тобой, свиньях, еще книги напишут». Этот эпизод можно найти в книге Сергея Александровича Нилуса «Великое в малом». Искренно исповедовалась эта матушка святителю Спиридону Тримифунтскому. Выговорила, выплакала, высказала всю боль сердца своего, а потом перекрестила свою подушечку и заснула. И видит она во

сне святителя Спиридона Тримифунтского, который дарит ей белоснежный цветок, наподобие благоуханной лилии, которую Архангел Гавриил принес Матери Божией. Матушка прижимает к груди этот цветок и вскоре просыпается, все еще ощущая его благоухание. Она, как монахиня, никому, конечно, ничего не рассказала. Быстро собралась, светский платочек повязала, апостольник спрятала и вперед, на раннюю Литургию. Получив на общей исповеди разрешительную молитву, она вышла в придел, и вдруг какая-то прихожанка дает ей белый цветок, уже наяву. А для матушки той – это откровение, потому что она понимает, что святитель Спиридон принял ее исповедь, детскую, сердечную, глубокую. Это я к тому говорю, что настоящего монаха Господь и Матерь Божия везде узнают, везде ему помогут, дадут ему познать глубину духовной жизни, только бы достало ему простоты, сердечности, открытости Богу, умения себя вверить водительству Матери Божией. Старец Силуан так и говорит: «Божия благодать дивно назидает, просвещает, окормляет чад Господа, если они молятся в храме, но для этого нужно иметь душу простую и незлобивую». Благодать Гос-

подня в ответ на наше устремление к Богу и к Матери Божией восполняет то, чего зачастую не можем дать мы, неопытные пастыри. Думаю, на этой мажорной ноте надо нам завершить нашу беседу.

26 июля 1998 г.

«Жена, облеченная в солнце»

(беседа
на 12-ю главу
Апокалипсиса)

Поздравляю вас, дорогие друзья, с воскресным днем, в который по окончании Божественной Литургии особенно прилично вести духовные беседы. А для меня особенная отрада держать слово перед столь просвещенной аудиторией именно в этом трапезном храме, потому что здесь, как известно, обращался к сестрам сам святой праведный Иоанн Кронштадтский, освятивший этот храм в честь святых Симеона и Анны.

И размышляя, какой избрать предмет для нашего собеседования, я вспомнил такие слова из Священного Писания: «Я был в духе в день воскресный»¹⁾. Это слова Иоанна Богослова. На острове Патмос существует обитель во имя этого святого, как раз на том месте, где он сподобился откровения – видения Сына Человеческого, Христа Спасителя, во славе. В русской иконописной традиции Иоанн Богослов изображается обыкновенно сидящим

на кресле или камне и простирающим свой взор в вечность, в горний мир. За святым Иоанном Богословом – его ученик Прохор, который на хартии неспешно записывает то, что вещает апостол любви: святой Прохор предавал письменам то, что Бог открывал Иоанну Богослову в его созерцании. Греческие же иконы изображают святого Иоанна в ином положении. Любимый ученик Христа не сидит, а, как это принято на Востоке, полулежит на каменном ложе, локоть его упирается в камень, глава тоже лежит на камне. Подобно ветхозаветному Иакову, оставшемуся на ночь в местечке Вефиль и увидевшему во сне таинственную лестницу, концами своими упиравшуюся в самое небо²⁾, сподобился боговидения и святой Иоанн Богослов. В монастыре на острове Патмос можно увидеть, что на том месте, где почивали глава апостола и локоток его, образовались вмятины, как будто камень расплавился. Отпечатлевшиеся таким образом глава и рука Иоанна Богослова – главные святыни монастыря – сейчас окованы серебром.

Будучи в духе в день воскресный, святой Иоанн Богослов видел и слышал то, что Христос Спаситель повелел ему не сокрыть, но запечатлеть в книге Откровения, сказав, что «время близ есть»³⁾. В этой самой таинственной книге Нового Завета, которая в отличие от прочих книг не читает-

ся за богослужением, несколько раз голос Божий повторяет такие слова: «Блажен читающий и слушающие слова пророчества сего и соблюдающие написанное в нем»⁴⁾. Из этого следует, что всякое чадо Православной Церкви (хотя бы и не было оно семи пядей во лбу и звезд с небес не хватало) призвано раскрывать книгу Откровения, в келейном или в таком, как у нас соборном чтении, и размышлять над тайнами ее. Тем паче что в ней сокрыты, а лучше сказать раскрыты, судьбы мира и судьбы нашей Матери Церкви. Так как все мы находимся, по милости Божией, на этом корабле церковном, все мы являемся матросами одной команды, которая именуется малым стадом православных христиан, то нам, конечно, совсем не безынтересно знать, в каком направлении этот корабль движется, какова конечная пристань. Нужно нам знать и о тех подводных камнях и рифах, которые вырастают на нашем пути, на пути судна церковного. И пока еще не заштормило, пока еще бурные ветры не стали напирать на этот корабль, следует заблаговременно ознакомиться со всеми грядущими искушениями (а они обязательно придут на каждого из матросов), дабы не сбросило нас ветром с палубы, и, оказавшись в бурном море, мы бы не потонули и не погибли. Сам корабль, управляе-

мый Господом, конечно же благополучно достигнет противоположного берега.

Святую книгу Откровения читать должно с рассуждением, не самовольно и не произвольно ее истолковывать, а в Духе Божиим, то есть сообразно Священному Преданию Матери Церкви. И даже если мы не знакомы как следует с трудами Святых Отцов и некогда нам, к сожалению, их читать, книгу Откровения изучать все же полезно и спасительно хотя бы потому, что она на нашем сердце запечатлевает главные христианские добродетели: трезвение, внимательность, бодрость. Эта книга и ленивого заставляет встать с одра, и спящего пробуждает, ибо она устремляет наши очи ко все приближающемуся концу мира, указывая, какую брань христиане должны выдержать в конце времен, какое противоборство предстоит им с лукавым духом. Книга эта приуготовляет нас к Страшному Суду Господа нашего.

Мы сегодня с вами, конечно, не сможем за один вечер прочитать всю книгу Откровения, мы возьмем только одну главу – двенадцатую, которую вместе с вами я буду читать, сопровождая чтение кратким размышлением.

Двенадцатая глава книги Откровения представляет отдельную картину, отдельное знамение, видение, которое сразу же запечатлевается на

сердце слушателя. Не случайно святого Иоанна Богослова Церковь именует Тайнозрителем, поскольку ему было открыто то, что око человека грешного не видело, ухо не слышало и на сердце плотскому человеку то не приходило⁵⁾. Святой Иоанн Богослов предаёт письмам и, по повелению Божию, щедро делится с христианами последующих веков тем, что слышал и видел.

«И явилось на небе великое знамение»⁶⁾, – говорит святой Иоанн Богослов. *«На небе»*. Действительно, судьбы мира и Церкви раскрываются только тем, кто умеет взирать на небо. А если человек преимущественно смотрит на землю, если он интересуется только земным, преходящим, суетным, то ему не видать неба, как своих ушей. Старец Силуан Афонский об этом так говорит: «Люди, живущие в миру, похожи на куриц. Курицы – такие птицы, которые разучились летать, хотя у них есть крылья; заберется лиса в курятник, они начинают суматошно хлопать крыльями и на вершок-два поднимаются от земли, но когда время для курицы спокойное, она расхаживает по скотному двору среди навоза, сена, квохчет, посматривает важно на окружающих, а о небе, в общем-то, и не думает». Далее старец Силуан рассуждает: «Человек, живущий в миру и по-мирски, бывает доволен своей жизнью, бывает спо-

коен, если дела у него идут по писаному, душа такого человека даже не скучает о духовном мире, не томится духовной жаждой. Современные люди так стремятся обставить свою жизнь, так пригвождают свой ум к земным предметам, что для памяти о горнем, о небесном, у них и времени не остается. А вот орел – иное дело. Для орла подлинная стихия – небо, он только тогда живет, когда парит в горней высоте. Свяжите орлу крылья, заставьте его ходить по земле – для него настанет сущее мучение. Эта птица не успокоится и от мяса будет отвращаться, и от воды, покуда не высвободит крылья и не улучит долгожданную свободу. Такова, – заключает старец Силуан, – душа монаха». Монах – это духовный орел, он призван таким быть, для монаха родная стихия – молитва. Лицо, живущее в миру, прочитало утром молитву «Отче наш» и хорошо сделало, а если еще и вечерние молитвы удастся вычитать, так вообще день можно почитать удачным. Довольное отправляется оно, мирское лицо, на боковую, потому что и Богу отдало часть сердца своего, и в трудах своих до вечера пребывало. «А вот у монаха, – поясняет старец Силуан, – природа другая, он не может удовлетвориться никаким правилом, потому что его правило – молитва непрестанная».

Когда оптинского скитона начальника Моисея спрашивали: «Батюшка, а какое у вас молитвенное правило?» – он отвечал со смирением: «У меня никакого правила молитвенного нет». А потом добавлял для тех, кто его мог понять: «Наше жителство – на небесах». То есть для человека, стяжавшего молитвенный дух, правило выполняет лишь вспомогательную роль, как хворост, который подкладывают в огонь. Самое главное для него – не хворостина, не акафист, не канон, а самый огонь молитвы, который и ум, и сердце монаха призван возносить горé, к небу. Как говорит царь Давид, «в поучении моем разгорится огонь»⁷⁾. И Спаситель, когда еще ходил стопами по земле, уже заранее радовался о том, что будут у Него такие последователи, которые себя назовут монахами, то есть живущими ради единого на потребу: «Огонь пришел Я низвесть на землю, и как желал бы, чтобы он уже возгорелся!»⁸⁾

Итак, Иоанн Богослов и есть тот самый духовный орел, который в отличие от нас в воскресный день непременно пребывал в Духе, то есть едва лишь он пробуждался ото сна (если, конечно, спал в ночь под воскресенье), его помыслы, его сердце уже были не на земле. Только телом он пребывал там, на острове Патмос, куда его отправил в ссылку император Домициан за

свидетельство слова Божия, а духом он правил службу пред престолом Божиим, пребывая вместе с Небесными Ангельскими Силами. И там, на небе, он увидел великое знамение.

«И явилось на небе великое знамение – жена, облеченная в солнце; под ногами ее луна, и на главе ее венец из двенадцати звезд. Она имела во чреве и кричала от болей и мук рождения»⁹⁾. Эта апокалиптическая жена многими иконописцами, даже светскими художниками, так и изображается попирающей ногами полумесяц, глава ее – в сиянии солнечном, а на главе – венец из двенадцати звезд. Читатель книги Откровения тотчас поинтересуется и спросит сам себя: «Что это за апокалиптическая жена? Кто это?» О ней и в последующих стихах этой главы написано. Некоторые говорили, что это Пречистая Дева Мария, но уже те слова, которые мы прочитали, вполне опровергают подобные суждения. Да, Пречистая Дева имела во чреве, но Она никогда не кричала от болей и мук рождения. Матерь Божия зачала вышеестественно, родила чудесно, «без истления» – без болей. И поэтому правы те, кто, вслед за Святыми Отцами, полагают, что эта жена есть наша Матерь – Святая, Соборная, Апостольская Церковь. А то, что это именно Церковь, подтверждают слова апостола Павла. В одном из своих

посланий он, обращаясь к духовным чадам, говорит: «...я снова в муках рождения, доколе не изобразится в вас Христос!»¹⁰⁾ Священное Писание уподобляет пастырей Церкви матерям, носящим во чреве и кормящим. И подобно тому, как пастыри Церкви не без душевной боли, томления, в меру трудов своих, конечно, ожидают, покуда в их духовных чадах изобразится Христос, то есть они, их дети во Христе, войдут в совершенный возраст, укрепятся в добродетельной жизни, так и Церковь, нас отродившая, ждет, покуда мы войдем в меру возраста Христова. Именно о пастырях Церкви Спаситель говорил в Своей прощальной беседе с учениками: «Горе же беременным и питающим сосцами в те дни»¹¹⁾, то есть во дни пришествия антихриста. Речь идет не только о беременных женщинах, которым будет тогда тяжело, как было тяжело жительницам Иерусалима, осажденного римлянами в год гибели этого города. Но Священное Писание, в частности, говорит и о пастырях, на которых преимущественно в годы гонений обрушивается ярость древнего змия, ибо диавол хорошо знает слова Священного Писания: «Поражу пастыря, и рассеются овцы стада»¹²⁾. Священник, может быть, и хотел бы куда-нибудь убежать: в расселины гор, ущелья, скрыться от мира, переждать опасное

время, дожидаться, когда Господь придет, но не может этого сделать. Не может потому, что он окружен годовальными младенцами, теми, кто нуждается в его пастырском попечении, кого нужно кормить словесным молоком. Почему пастыри, если они не наемники, всегда разделяли со своей паствой ее судьбу и с радостью, подобно апостолу Павлу, готовы были претерпеть любое гонение, даже кончину, ради укрепления своих духовных чад.

Итак, апокалиптическая жена, Церковь, облечена в солнце. Солнце – это, несомненно, Сам Господь Иисус Христос, именуемый древним пророком Малахией «Солнцем правды»¹³⁾. Жена облечена в солнце именно потому, что Христос и Церковь неразделимы. Христос является Главою Церкви, Церковь является Телом Христовым. Там, где Церковь, – там и Христос. Где нет Православной Церкви, – там и Христа Спасителя нет. В наше время это особенно важно помнить людям, живущим среди шумного мира, потому что главная ересь нашего времени сегодня – это ересь против Церкви, война против веры в Церковь, утвержденной Символом нашей веры: «Верую во Единую, Святую, Соборную и Апостольскую Церковь». В Церковь нужно веровать. Тот, кто не верует в Церковь, легко погибает и душою, и телом. Сейчас в миру расплодилось, словно по

мановению злой волшебной палочки, множество сообществ, охотно себя именующих «церквами», в то время как они Церковью не являются и Христа Спасителя в них нет.

Один из древних толкователей говорит, что луна – это символ непостоянства, изменения. Подобно тому, как луна растет, а потом умалается, изменяется и человеческая природа. Мы – существа очень изменчивые и непостоянные. Луна символизирует собою немощь. Итак, если Церковь – жена – попирает собою луну, – это значит, что Церковь Православная непогрешима, она чужда всех немощей, хотя и состоит из нас, слабых и грешных.

В церковной традиции луна и серебристый лунный свет часто относятся к женскому немощному естеству, почему апостол называет женщин не просто «немощными», а «немощнейшими сосудами»¹⁴⁾. Поэтому, по древнему русскому обычаю, когда происходило обручение жениха и невесты, то жениху доставался серебряный перстень, дабы всегда памятовать, с кем он сопряг свою жизнь – с немощнейшим сосудом. И теперь он будет не только свои немощи терпеть, он будет отвечать за душу сугубо немощную.

Вернемся вновь к Священному Писанию. На главе этой жены «венец из двенадцати звезд»¹⁵⁾.

Эти двенадцать звезд на главе жены конечно же указуют на двенадцать апостолов, которые, как двенадцать камней, легли в единое безгрешное основание Церкви, на краеугольный камень – Господа Иисуса Христа. Поэтому Православие отличается от любого ложного исповедания апостольским своим и происхождением, и содержанием. Мало просто верить во Христа, должно верить непременно апостольскою верою, то есть принимать в совокупности все, что писано и передано изустно апостолами.

В этом смысле каждому христианину надлежит изучать свою веру, дабы он и нехотя не погрешал против целостности православного вероучения, которое имеет два источника: Священные Писание и Предание, ибо вещи самые главные – это небесные истины веры. Мы веруем в Единого Бога, прославляемого в Отце, Сыне и Святом Духе. Мы веруем во Христа не просто Бога и не просто Человека, а веруем в Него как в Бога и Человека в Едином лице, почему и два перста к ладони пригибаем: мизинец и безымянный, исповедуя во Христе и Божество, и Человечество.

И если тщательно осеняем себя крестом, то эти две божественные истины – вера в Троицу и Богочеловечество Иисуса Христа – запечатлеваются в уме и сердце. Христос говорит: «Вер-

ный в малом и во многом верен»¹⁶⁾. Проверено жизнью тысячекратно: если христианин с благоговением, как учит Церковь, слагая персты в троеперстие, осеняет себя крестом, как бы начертывая на себе Христа Распятого, и благоговеино покланяется, то за само это благоговеинство и тщательность он получает духовное осенение и просвещение. А если небрежно крестится, то и в душе какая-то смесь вместо истин веры.

Все, что относится к благочестию, корнем своим имеет откровение Божие. Например, известно, что еще до Первой мировой войны не только в России, но и во всей Европе женщины всегда, а уж входя в храм, непременно, покрывали свою голову. Так было во все времена: сколько существует женский пол, он всегда покрывал свою голову. Но вот наступил XX век. Прогресс, цивилизация, просвещение и еще, между прочим, эмансипация, то есть пресловутое уравнение в правах и обязанностях мужчин и женщин. Женщина перестала хотеть быть женственной, а мужчина – мужественным. Накануне Второй мировой войны в Европе, например, во Франции, женщины, входя в храм, уже платки не надевали, а были у них шляпки с полями. Это все-таки еще был намек на традицию. А уже после Второй мировой войны дело дошло до того, что пре-

красные дамы, таинственные незнакомки стали входить в храм без всяких головных покровов.

Священникам часто задают вопрос: «Батюшка, а где, собственно, об этом написано. И имеет ли вообще какое-то значение, есть покров у женщины на голове или нет?» Апостол Павел в Послании к Коринфянам¹⁷⁾ свидетельствует, что жена призвана покрывать свою главу, «егда молится». – «Ну, слава Богу, батюшка, что, хоть только во время молитвы должна покрывать. Я вот помолилась, да и сдернула с себя все защитные покровы». Но в ином месте у апостола Павла читаем: «Всегда радуйтесь. Непрестанно молитесь. За все благодарите»¹⁸⁾. Получается, что так просто и не снимешь покров с себя.

«А зачем все-таки? Неужели Господу Богу важнее этот покров, не главное ли сердце?» – спросит иная прихожанка.

Если бы мы были бесплотными существами, то вопросов бы не было, но так как мы облечены в тело, то душа, как говорят, многое от него заимствует, как и тело заимствует от души.

У святого апостола Павла сказано: «...жена... должна иметь на голове *своей* знак власти над нею, для Ангелов»¹⁹⁾. И действительно, когда женщины покрывают свою главу, то Ангелы приближаются к ним, ибо с покрытою главою они явля-

ют, помимо истинной женственности, а значит, и красоты, еще и ту неподражаемую, присущую только женскому полу кротость, стыдливость, чистоту, которые делают их существами не столько земными, сколько небесными.

Старец Силуан говорил, что покуда он был чистым сердцем юношей, он смотрел на деревенских девушек, как на ангельские создания, поскольку чистое сердце, действительно, усматривает в женской природе эту близость к Ангелам.

Апостол достаточно подробно этот предмет нам изъясняет, говоря, что женщине даны волосы вместо покрывала²⁰⁾. А русский народ добавляет: «Коса – девичья краса». Имея от Бога такое покрывало, женщина еще и от усердия возлагает на себя покров, сплетенный или истканый руками человеческими, дабы явить Богу от избытка своего сердца сугубое усердие. «Если, – говорит апостол, – жена не хочет покрываться (*то есть презирует внешнее покрывало*), то пусть... стрижется; а если жене стыдно быть остриженной... пусть покрывается»²¹⁾.

Конечно, апостол Павел был прозорлив. Он смотрел в грядущие века, но, может быть, смог, зависший над нашими городами: Чикаго, Токио, Москвой, воспрепятствовал увидеть ему то изме-

нение, которое привзошло в жизнь женщины в XX столетии. Сегодня уже многие из них не понимают, почему женщине стыдно стричься.

И явилось на небеси другое знамение: *«большой красный дракон с семью головами и десятью рогами, и на головах его семь диадим»²²⁾* – семь венцов.

Совершенно очевидно для большинства, что большой красный дракон – это образ самого падшего духа – дьявола.

Еще в античные времена красный цвет, чермной, багровый воспринимался как образ тревоги и войны. Так, у древних римлян планета красного цвета – Марс – получила свое название в честь божества войны. И здесь, конечно, змий назван чермным, багрово-красным, по причине его злобы неукротимой, по причине его свирепости и жестокости.

Впрочем, он нас ненавидит меньше, чем Бог любит. Бог любит нас такой любовью, которая в количественном отношении много превосходит неприязнь, испытываемую к нам лукавым духом. Однако все-таки полезно помнить о том, кто ведет с нами брань. И когда Евангелие учит христиан добродетели трезвения, бдения, говоря: *«Бодрствуйте и молитесь»²³⁾*, то имеет в виду невидимого супостата, который еще назван «львом

рыкающим», ходящим вокруг нас и ищущим, кого бы поглотить²⁴⁾. И что же? Неужто христианам надлежит быть проглоченным этим змием? Нет! Но он заглатывает только ленивых и невнимательных. Стало быть, главная добродетель христианина – трезвение, уподобляющая его херувиму, который имеет очи и спереди, и сзади, и внутри себя. Постоянно ожидая искушения, имея ушки на макушке, христианин будет выше всех искушений.

Вот одна из причин, почему люди уходят в монастырь: в миру такая суета, такой треск, такое движение автомобилей, такое хлопанье дверьми, что памятовать о духовном мире, памятовать о лукавом духе, враждующем против нас, очень и очень нелегко. А здесь, в монастыре, эта добродетель присуща даже лежебоке, в силу освященности самой обители.

Чем ценна жизнь в монастыре? Пребывающие под покровом Божией Матери насельницы обители живут в светлой духовной атмосфере. Посмотрим на подножие горы, где оседает туман, где повышенная влажность, испарения, затем преведем взор на вершину. Забравшись на самый верх, мы увидим широкую панораму: долины, селения, деревья, людей, в низинах же – влажность, туман, и ни зги не видно. В монастыре нам предоставляется возможность подняться на духовную верши-

ну и, вдохнув горного воздуха вечности, оглядеться по сторонам. Здесь совсем иное самочувствие даже у приезжих батюшек. В монастыре все движется по заведенному порядку, как часы. Так что ты уже знаешь – после службы ждет тебя трапеза, а после трапезы будет послушание. Этот ритм, этот порядок дает возможность даже невнимательному христианину мысленно просмотреть прожитый день, без труда вспомнить все немощи и огрехи, которые у него были в течение дня. В монастыре, повторяю, такая ясная духовная атмосфера, столько здесь внутреннего света, что можно без труда изучить свою душу, во всех ее закоулочках побывать и все даже сокровенные и потаенные страсти обнажить перед внутренним взором, особенно, если еще молиться об этом: «Господи, даруй мне зрети моя согрешения». В монастыре поэтому особенно легко выполнить завет апостола Павла: «Братие... да не обидими будем от сатаны: не неразумеем бо умышлений его»²⁵⁾, то есть нужно познавать особенности невидимой брани, изучать те маневры и приемы, которые употребляет против вас супостат диавол.

В городе – иначе. Столько событий, столько людей, такая сутолока, такая сумятица! Вечером человек не то что вспомнить не может прожитый день, а просто засыпает в беспмятстве.

Сегодня, например, многие мирские люди ищут повсюду прозорливых, едут в монастырь с той целью, чтобы найти христиан, осененных Божией благодатью, чтобы они все выложили им на тарелочке с голубой каемочкой. И как правило, чем человек духовно необразованней, чем он сильнее затянут греховной суетой, тем с большей легкостью он определяет меру духовную, в которой находится тот или иной пастырь, наставник, учитель христианской веры. На самом деле все должно быть иначе: чем внимательней наблюдаешь за своей душой, чем тщательнее борешься с помыслами, чем решительнее отражаешь раскаленные стрелы лукавого духа, тем бóльшую дает Господь тебе мудрость, цельность, внутреннюю чистоту, от которой все христианское преуспевание бывает.

Истинная духовная жизнь постигается именно на этом фронте борьбы с помыслами, недолжными ощущениями, нечистыми образами. И если ты уже начал разбираться в самом себе, по крайней мере, изучив страсти, знаешь, в какое время, когда какая из них на тебя нападет, то в награду за такое самонаблюдение Господь даст тебе понимание и устройства окружающих тебя людей. В этом смысле всякий истинный ученик Христов, внимающий своей душе, отчасти бывает и психо-

логом, потому что зачастую на наших лицах написано все, чем мы живем, о чем печалимся, что нас томит. Очень часто нас и наши сердечные тайны выдает слово, потому что оно произносится от избытка сердца. Послушаешь только человека – и можно уже примерно составить его духовный портрет, ибо слово наше воистину отражает состояние сердца, раскрывает его секреты. Да и по движениям, по тому, как человек двигается, – тоже можно сказать, что у него на душе.

Есть такой святой – Паисий Величковский, молдавский старец. Он, как известно, возродил на Руси умное делание, то есть указал, прежде всего, монахам, а во вторую очередь, всем православным христианам, что самое главное – это мыслью стоять в сердце своем, внимать ему и ходить пред Богом, молясь на всяком месте, во всякое время: «Господи, Иисусе Христе, Сыне Божий, помилуй мя, грешного (грешную)».

Преподобный Паисий Величковский начал свое духовное странствование в Киеве. Он учился в Киевской Духовной Академии, но там ему не слишком нравилось: богословские науки преподавались от головы, а не от сердца. Неудовлетворенный образованием в Академии, он уехал на Афон и там нашел то, что искал. Это было в XVIII столетии, на Афоне тогда было беспокой-

но, потому что греки, находясь под властью турецкого султана, очень тяжело переживали это униженное состояние и стремились поскорее скинуть с себя ярмо турецкого владычества. Многие из них, тайно прибывая на Афон, желали подбить монахов на выступление против турок. И тогда греческие монастыри, впустив в свою ограду дух мира сего, стали помышлять об освободительном движении, требовать, чтобы Афон явился авангардом, застрельщиком в этом политическом движении. Но святому Паисию было ясно, что время еще не пришло. Он отказывался принимать даже малейшее участие в этих политических событиях. Греки его осуждали, как сейчас принято говорить, «за пассивность». Бог же был на стороне преподобного Паисия, потому что за год до той великой расправы, которую турецкий султан учинил над Аффоном, разразилась такая буря, что гора Афонская, словно трость, трепетала. И впоследствии в одной из летописей афонского греческого монастыря было записано: «Не предупреждал ли Господь этой бурей о том, что неразумные повстанцы навлекут на мирную гору Афонскую». Вконец рассерженный султан через год решил проучить греков. Он прислал на Афон четыре тысячи солдат, которые учинили беспримерные безобразия и завла-

дели всеми двадцатью греческими монастырями. Кого из монахов порезали, кого прогнали, кого ограбили. Десять лет продолжалось это поругание, покуда Россия не освободила Афон от турецкого владычества.

Старец Паисий, не захотевший участвовать в этой общественной борьбе, ушел в Молдавию, где мирно занимался покаянной молитвой, оставив после себя сонм учеников. Последние его ученики пришли в тогда еще безызвестную Оптину пустынь и насадили там эту розу истинного монашеского делания. Однажды старец Паисий Величковский сидел в своей келье и смотрел в окно. Вдруг он увидел, что по монастырской площади идет инок, на ходу размахивая руками. Преподобный Паисий тотчас повелевает учиненному брату призвать его и дать какое-то число поклонов на три месяца. Оказывается, что в монастыре, где подвизался старец Паисий, вся братия ходила, бережно прижимая руку к своему сердцу (как преподобный Серафим ручку держал на сердце). Это знак духовной сосредоточенности, показывающий что человек молится, внимая себе.

Раньше на Руси был такой обычай: когда люди встречали друг друга, то не говорили: «Как дела?» или: «Как жизнь?», а спрашивали: «Как молитва?» И в

ответ слышали: «Слава Богу, журчит». Или: «Пресеклась, брате, за осуждение священноначалия». – «Помоги тебе Бог». И шли в разные стороны.

Мы ведем речь об этом, чтобы показать, что и по внешним движениям можно многое заключить о внутреннем расположении сердца.

И в заключение. Хвост этого дракона *«увлек с неба третью часть звезд и поверг их на землю»²⁶⁾*. В славянском переводе сказано, что «хобот» третью часть звезд отторг на землю. Вот какова сила соблазна. Известно, что треть ангелов вместе с падшим духом, не соблюдши своего достоинства, были свергнуты на землю.

И с нами так же бывает, потому что мы подобострастны. Если рядом человек чихает – и нам хочется чихнуть. Если рядом кто-то смеется – и мы начинаем улыбаться. Если рядом кто-то скорбит – и у нас на сердце печаль. Русский народ говорит: «С кем поведешься – от того и наберешься». В монастыре это особенно очевидно, потому что собранные в замкнутом пространстве души напоминают собою оголенные провода. Для монаха, конечно, вдвойне важен круг общения, потому что человек – существо немощное, увлекающееся. Например, у вашего соседа дух немножко ропотливый. Он пришел в монастырь по любви к Богу и никогда по доброй воле

не уйдет, но все время он ноет. Вот съел, например, кашу рисовую и не преминул сказать: «Что им сахару что ли жалко было положить?» А вы рядом сидите и сахар вовсе не вкушаете (говорят, что после 30 – бесполезно), однако в силу этой общности, глядишь и поддакнете: «Действительно, экономят на сахаре...» И так во всем. И ступеньки какие-то крутые в храм ведут, и голоса у диаконов неслышные. Конечно, находясь рядом с таким ропотливым, занудным братом или сестрой, поневоле и сам того же духа наберешься. Поэтому нужно, терпя недостатки и ограниченность ближних, стараться, как мудрая пчела, заимствовать у них только хорошее, а на нежелательное учиться смотреть сквозь пальцы. И говорят, что самая великая мудрость – так мыслить и так жить, чтобы не быть увлеченным, подобно тем звездам, с неба на землю, и не оказаться в грязной луже вместо небесных сфер; нужно уметь видеть во всем светлую сторону, в каждом явлении прозревая Божественную мудрость и любовь. Вот, например, в Псково-Печерском монастыре жил архимандрит Феофан (Молявко). Прошел он огонь, воду и медные трубы: в лагере сидел, может быть, даже на Соловках побывал. Да и в монастыре жизнь нелегкая. Иногда его просят: «Отче, расскажите, как вы жили в лагере?»

– Да, детки мои, слава Богу, очень хорошо, очень хорошо.

– А кто у вас начальник лагеря был Берия или Френкель?

– Да был какой-то там.

– А что про него вы помните, каков он был?

– Редкой души человек.

(И даже про нелюдя у него находится теплое слово.)

– А что, батюшка, били вас там?

– А зачем, детки, вы меня об этом спрашиваете?

– Ну, как? Все-таки для жизни важно. Мало ли что, нужно ко всему готовиться! Как вас били? Руками, ногами?

– Да по-всякому, детки, били. Было всякое.

– Ну и что же?

– Полезно, полезно, как массаж, детки, было.

И на все у него положительная реакция, поскольку он не допускал до сердца никакой горечи. Даже самые скорбные жизненные явления отзывались в его душе молитвой и благодарением. Свойство это очень редкое и почти неприметное в современных людях. Такие могут пережить столетие, подобно кавказскому старцу святому Феодосию. И у каждого из нас, конечно, должны быть начатки этой добродетели, то есть мы долж-

ны уметь благодушествовать и стараться всецело верить себя Господу.

И самое последнее. Двенадцатая глава книги Апокалипсис заканчивается такими словами: *«И даны были жене два крыла большого орла, чтоб она летела в пустыню в свое место от лица змия...»*²⁷⁾ Здесь речь идет о жене, которая родила младенца мужского пола, а дракон, низверженный на землю, стал преследовать жену.

Многие, читая эти слова, задавались таким вопросом: «Кто же это дитя мужского пола, вознесенное на небо? Может быть, Христос Искупитель, вознесшийся во славе?» Но раз жена – это не Пречистая Дева Мария, то очевидно, что не Христос Спаситель здесь имеется в виду. Большинство толкователей говорят, что дитя мужского пола, благополучно от уст змия избавльшееся и вознесенное на небо, – это предварившие нас во времени святые угодники Божии, не только мужского, но и женского пола.

Люди, жившие до нас, отличались большей крепостью, чем мы. А нынешние – уж очень немощные. Еще в XIX столетии народ был крепче, чем теперь. Грех сегодня настолько расслабил силы человечества, что мы все, без исключения, являемся ходячей немощью. Раньше, по свидетельству Святых Отцов, монахи имели огненные кры-

ля и перелетали через реку житейскую, вовсе не касаясь воды. Это последователи преподобного Антония и Макария Великого. А уже в средние века, в XIV, XV столетиях стопами касались мутного потока житейского. В конце же XX века они только хлопают крыльшками, чтобы не утонуть, и постоянно глотают этой соленой воды, едва-едва достигая противоположного берега. Древние святые в отличие от нас имели ревность огненную, целеустремленность. А про нас что сказано? Когда это дитя было восхищено к небу и святые вошли в небесные обители, то дракон рассвирепел на жену. Ярость его с течением времени только увеличивается, потому что Мать Церковь и поныне спасает своих детей. И сколько ни употребляет лукавый злобы, не успевает он в борьбе с Церковью. *«И пошел, чтобы вступить в брань с прочими от семени ее»²⁸⁾*. «Прочие от семени ее» – это мы, немощные, слабые, претыкающиеся, падающие. Однако сказано, что они сохраняют заповеди Божии и имеют свидетельство Иисуса Христа. Свидетельство Иисуса Христа – это начаток Духа Господня, который каждый из нас принял в таинстве Крещения.

Таким образом, хотя мы многое упустили из этой главы, из сказанного становится очевидно, что Мать Церковь хочет видеть в каждом из нас

не кого-нибудь, а война. Как мы ни немощны, однако, нам надлежит иметь в своих руках воинские доспехи. Подобно тому, как в древние времена в Спарте женщины провожали мужей и сыновей на войну со словами: «Со щитом или на щите», Церковь, благословляя нас на подвиг духовный, говорит: «С Крестом или на Кресте». Священное Писание свидетельствует, что, как ни силен лукавый, но при сохранении нами Правой веры, благочестия, внимания, трезвения и молитвы, под покровом Господа, под покровом Матери Божией, каждому из нас дано пройти это узкое поприще и одержать победу благодатью Господа нашего Иисуса Христа. Аминь.

19 июля 1998 г.

Указатель цитат

О священнодействии ума в сердце человеческом

- ¹⁾ Евр. 7, 26.
- ²⁾ Ин. 10, 11.
- ³⁾ Ин. 10, 1.
- ⁴⁾ Ин. 10, 9.
- ⁵⁾ Ин. 10, 4.
- ⁶⁾ Ин. 10, 3.

О вере, верности и простоте

- ¹⁾ Пс. 15, 8.

О духовном плодonoшении

- ¹⁾ Прит. 4, 20, 23.
- ²⁾ Кол. 3, 14.
- ³⁾ Гал. 5, 22–23.
- ⁴⁾ Пс. 42, 4.
- ⁵⁾ Пс. 31, 7.

«Открой очи мои, и уразумею чудеса от закона Твоего»

(о духовном разумении Священного Писания)

- ¹⁾ Ис. 66, 2.
- ²⁾ Пс. 118, 18.
- ³⁾ Кол. 4, 6.
- ⁴⁾ 1 Кор. 10, 31.
- ⁵⁾ Пс. 26, 10.

Нет пророка в своем отечестве

(о грехе осуждения)

¹⁾ Мк. 6, 2–3.²⁾ Ин. 4, 44.**«Боюсь Единого, Живущего на Небеси»**(о жертвенном служении Господу и
Божией Матери святого патриарха Гермогена)¹⁾ Мф. 18, 3–4.**«Просвети одеяние души моя, Светодавче...»**¹⁾ Ис. 1, 6.²⁾ Пс. 21, 19.³⁾ Откр. 3, 17–18.⁴⁾ Пс. 136, 1.⁵⁾ Откр. 3, 4.⁶⁾ Откр. 7, 13–14.⁷⁾ Ис. 1, 18.**О назначении десницы**¹⁾ Пс. 44, 2.²⁾ Откр. 7, 9.³⁾ Лк. 6, 10.⁴⁾ Мф. 6, 3.⁵⁾ Еф. 6, 17.⁶⁾ 1 Тим. 2, 8.⁷⁾ Пс. 140, 2.**«Радости мое сердце исполни, Дево»**(беседа о служении христиан
Пресвятой Деве Марии)¹⁾ Пс. 11, 1.²⁾ Пс. 26, 10.

³⁾ Лк. 2, 35.

⁴⁾ Мф. 16, 18.

⁵⁾ Лк. 22, 31.

⁶⁾ Пс. 126, 2.

⁷⁾ 1 Кор. 16, 14.

⁸⁾ Рим. 12, 10.

Архангельское приветствие

(размышление о словах молитвы

«Богородице Дево, радуйся...»)

¹⁾ Ин. 16, 22.

²⁾ Лк. 15, 10.

³⁾ Мф. 13, 45–46.

⁴⁾ Лк. 1, 46–50.

⁵⁾ Акафист Благовещению Божией Матери.

⁶⁾ Ин. 6, 56.

⁷⁾ Пс. 103, 25.

«Кто не несет креста своего и идет за Мною, не может быть Моим учеником»

(беседа о крестоношении)

¹⁾ Мф. 16, 24.

²⁾ Рим. 8, 19–22.

³⁾ 1 Пет. 1, 16.

⁴⁾ Еф. 6, 14–17.

⁵⁾ Пс. 73, 12.

⁶⁾ Ин. 17, 9, 11.

⁷⁾ Ин. 15, 19.

⁸⁾ Откр. 14, 13.

⁹⁾ Пс. 38, 5.

¹⁰⁾ Мф. 18, 6.

«Жена, облеченная в солнце»

(беседа на 12-ю главу Апокалипсиса)

- 1) Откр. 1, 10.
- 2) Быт. 28, 11–12.
- 3) Откр. 22, 10.
- 4) Откр. 1, 3.
- 5) 1 Кор. 2, 9.
- 6) Откр. 12, 1.
- 7) Пс. 38, 4.
- 8) Лк. 12, 49.
- 9) Откр. 12, 1–2.
- 10) Гал. 4, 19.
- 11) Лк. 21, 23.
- 12) Мф. 26, 31.
- 13) Мал. 4, 2.
- 14) 1 Пет. 3, 7.
- 15) Откр. 12, 1.
- 16) Лк. 16, 10.
- 17) 1 Кор. 11, 5.
- 18) 1 Фес. 5, 16–18.
- 19) 1 Кор. 11, 10.
- 20) 1 Кор. 11, 15.
- 21) 1 Кор. 11, 6.
- 22) Откр. 12, 3.
- 23) Мф. 26, 41.
- 24) 1 Пет. 5, 8.
- 25) 2 Кор. 2, 11.
- 26) Откр. 12, 4.
- 27) Откр. 12, 14.
- 28) Откр. 12, 17.

Содержание

«Пюхтица, Пюхтица...» 5

Слова, произнесенные в Успенском соборе Пюхтицкого женского монастыря

О священнодействии ума
в сердце человеческом 15

О вере, верности и простоте 23

О духовном плодоношении 31

«Открой очи мои, и уразумею
чудеса от закона Твоего» (о духовном
разумении Священного Писания) . . . 39

Нет пророка в своем отечестве
(о грехе осуждения) 51

«Боюсь Единого, Живущего
на Небеси» (о жертвенном служении
Господу и Божией Матери святого
патриарха Гермогена) 57

«Просвети одеяние души моя,
Светодавче...» 67

Мудрейшая из жен Российских
(слово о святой равноапостольной
княгине Ольге) 77

О назначении десницы 85

**Поучения, обращенные к насельникам и
паломникам Пюхтицкого монастыря**

«Радости мое сердце исполни,
Дево» (беседа о служении христиан
Пресвятой Деве Марии) 97

Архангельское приветствие
(размышление о словах молитвы
«Богородице Дево, радуйся...») 119

«Кто не несет креста своего
и идет за Мною, не может быть
Моим учеником»
(беседа о крестоношении) 141

«Жена, облеченная в солнце»
(беседа на 12-ю главу Апокалипсиса) . . 175

Указатель цитат 203

Протоиерей Артемий Владимиров

В57 «Просвети одеяние души моея, Светодавче...». –
М.: Издательство Православного Братства
Святителя Филарета Московского, 2001. – 208 с.

ББК 86.37

Ответственный редактор *Панфилова М. Е.*
Редактор *Путинцева Е. В.*
Художник *Гвоздик А. Р.*

Издательство Православного Братства
Святителя Филарета Московского
107140, Москва, 2-й Красносельский пер., д. 5, стр. 1
Тел.: 264-20-70, факс: 264-75-69
Лицензия ЛР № 03730 от 10.04.97

Православное Братство Святителя Филарета Московского

осуществляет свою деятельность,
в том числе и издательскую,
по благословению Святейшего
Патриарха Московского и
всех Руси АЛЕКСИЯ II

Издательство Братства подготовило и
выпустило в свет новую книгу
протоиерея Артемия Владимирова

«ЛЮБОВЬ И ВЕРА»

Эта книга найдет свой спрос и у студента, подумывающего, как бы ему остепениться, и у девушки, которая бы не хотела ошибиться в выборе жениха. Диалоги обращены и к тем, кто, вступив на стезю супружества, изнемогает под его тяжестью вследствие многочисленных несовершенств, как собственных, так и своей половины... А если «личная жизнь» не удалась и грядущее кажется «иль пусто, иль темно?» Пусть размышления приходского пастыря, находящегося в гуще житейских драм, трагедий, взлетов и падений, послужат унывающим в утешение и нравственное укрепление.

